Нет женщины без любовной истории...

Трудное счастье Калипсо

Роман

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

Наталия Миронина

Трудное счастье Калипсо

«Эксмо»
2013

Миронина Н.

Трудное счастье Калипсо / Н. Миронина — «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-67912-6

Состоятельная бизнес-леди Светлана Никольская очень любила Игоря. Но он был младше ее на три года, идеально красив и капризен, а потому приходилось стараться, чтобы удержать его при себе. Роскошные вина, изысканная кухня, дорогие презенты, неограниченный доступ к деньгам – но Игорь все же вырвался из любящих рук… Строить свое счастье заново с каким-то новым мужчиной у Светланы не осталось ни сил, ни желания. Однако судьбе было угодно видеть эту женщину замужней и счастливой…

ISBN 978-5-699-67912-6

© Миронина Н., 2013
© Эксмо, 2013

Наталия Миронина
Трудное счастье Калипсо

«Есть события, есть случаи, которых… не хватило бы на драму, не стало бы на роман, но которые глубоки, которые в одном мгновении сосредотачивают столько жизни, сколько не изжить ее и в века».
Виссарион Белинский

«Чтобы познать лучшее, надо познать худшее».
Томас Харди

Он был так увлечен собой, что обращать внимание на недостатки жены времени просто не хватало. А потому их семья считалась дружной, прочной и почти счастливой. Именно «считалась». Две недели назад известный писатель и общественный деятель Нащокин Михаил Семенович был похоронен на подмосковном кладбище. Его молодая вдова Светлана в ожидании неизбежных визитов адвоката, бывшей супруги погибшего, дочери Нащокина от первого брака и партнеров по журнальному бизнесу, бродила по огромному дому, пытаясь осознать случившееся и подготовить себя к возможным переменам. Осознать не получалось. Пока получалось только горевать и вспоминать прошлое.

Светлана Никольская окончила школу с одной тройкой. По физике. Остальные оценки, четверки и пятерки, позволяли поступить в какой-нибудь хороший гуманитарный вуз. Но все испортила подруга-троечница Нина.

– Подавай документы в Институт культуры.

– Почему это? – недоумевала Светлана.

– Поступить легко, учиться еще легче. И всего четыре года. Неважно на каком факультете.

– А ты на какой будешь поступать?

– На библиотечный. Там меньше всего экзаменов. – Нина всегда отличалась практичностью. Еще она очень хотела быстро выйти замуж и завести детей. Ну, может, не так сразу. А годика через два-три. Сначала неплохо бы насладиться замужней жизнью.

Светлана задумалась. Ее планы были куда амбициознее. Она собиралась на исторический или журналистику. На худой конец, на филологический факультет. Шансов, правда, почти никаких. Конкурс там был такой, что и провалиться не стыдно. Однако год терять не хотелось, Нина была подруга давняя и верная, а потому уже осенью Света изучала виды библиотечных каталогов и тематические шифры. Курс, как и следовало ожидать, был сплошь женский, что не давало покоя Нине.

– Если бы я знала! Хоть бы один мужик был!

– А ты что, никогда в библиотеке не была? Там же одни женщины работают, – Светлана с удивлением смотрела на подругу. Ей самой учеба нравилась. Ничего сложного, к тому же свободного времени оставалось предостаточно. Хватало и на курсы английского, и на курсы немецкого, и на пилатес, и на танцы. Да и в самом институте проходило много всяких мероприятий, где можно было и потанцевать, и повеселиться. Но Светлане не нравились обшарпанные институтские корпуса и сплоченная иногородняя община. Москвичей на курсе было мало, и они, как и Светлана, держались особняком. Личной жизни почти не было. Лишь бывший одноклассник Пашка Соколов то и дело приглашал ее на свидания. Но Пашку Светлана знала так давно, что ничего таинственно-чарующего в этих встречах не было. И потом, это Пашка был в нее влюблен с шестого класса. Она же к нему относилась почти по-родственному.

Четыре года учебы пролетели так быстро, что Светлана даже не успела вкусить всех прелестей студенческой жизни: никаких «хвостов», бессонных ночей перед экзаменами, бурных студенческих попоек с обязательными выяснениями отношений. Она удачно защитила диплом и, к удивлению и зависти всего курса, получила прекрасное распределение. Ее пригласили в крупную московскую библиотеку. Надо сказать, что отчасти этому способствовала энергичная Эмма Геннадьевна Рыжик, руководитель Светиного диплома. Эмма Геннадьевна подозревала, что ее муж, заместитель директора этой библиотеки, «крутил» на работе романы, а потому требовалось срочно внедрить туда своего человека. Светлана Никольская, отличница, слегка простофиля и очень порядочный человек, идеально подходила на роль засланного казачка. Одним словом, теперь госпожа Рыжик могла при каждом удобном случае навещать свою подопечную, присматривать за мужем.

Свой первый рабочий день Светлана запомнила надолго. Кругленькая маленькая Феодосия Ивановна, начальница отдела, ввела ее в огромное оборудованное легкими серыми стеллажами помещение. На новенькую уставилось пять пар глаз. «Террариум», – пронеслось у нее в голове. Глаза были недобрые, подозрительные и оценивающие. Собственно, если бы Светлана потрудилась проанализировать ситуацию, то не удивилась бы такой настороженности и враждебности. Ее ставку коллектив отдела иностранной периодики собирался делить на всех. А тут откуда ни возьмись какая-то новенькая, да еще с профильным дипломом, и говорят, имеет отношение к начальству.

– Знакомьтесь, наша новая сотрудница. Светлана Леонидовна. Дипломированный специалист. Рекомендации из самой Ленинской библиотеки. – Феодосия Ивановна покривила душой. Свой коллектив она знала – тетки у нее работали вредные, а потому попугать инстанциями и регалиями не возбранялось. Так, на всякий случай. – Прошу отнестись с пониманием, человек с нашим фондом незнаком, потребуется помощь, которую вы должны оказать. Подружески, так сказать.

Феодосия Ивановна выкатилась из отдела. Тетки, как одна, опустили глаза и уставились в собственные компьютеры.

– У нас что, в отделе медом намазано? – услышала Светлана за спиной. Она благоразумно пропустила это мимо ушей, вежливо поздоровалась, уселась за свой стол и включила компьютер. Надо сказать, что степень компьютеризации в этой библиотеке потрясала воображение. До сих пор Светлане приходилось сталкиваться с полными пыли и ветхой бумаги книжными хранилищами. Здесь же было просторно, воздух очищался кондиционером, вся мебель была из прочного пластика или металла. Но самое сильное впечатление на Светлану произвел вид из огромного, во всю стену, окна. На фоне широкой Москва-реки, куполов и низких крыш Замоскворечья возвышалось высотное здание, зеленел угол старого парка и сверкали башни Кремля. Это был самый центр старой Москвы.

На работе Светлане нравилось все. Даже злые тетки. В первый же день они ушли на обед, заперев ее на замок. Светлана с удивлением это обнаружила лишь спустя полчаса. Она осваивала каталог единиц хранения в соседней комнате и, вернувшись в кабинет, увидела пустые столы коллег. Посмотрев на часы, Светлана поняла, что все ушли обедать. Она накинула плащ, накрасила губы и собралась выйти, но оказалось, что дверь заперта снаружи, а магнитный ключ не срабатывает. Через несколько минут стало ясно, что коллеги это сделали специально. Светлана спокойно разделась и продолжила работу.

Коллектив тем временем пил кофе в соседней кондитерской и злорадствовал.

– Нет, ну а как иначе?! Мы ее не знаем, там материальные ценности. Вдруг она что-нибудь унесет. Нам же отвечать потом. – Ирина Анатольевна Бажина, дама лет пятидесяти, самая старшая из всех и неформальный лидер, с аппетитом поедала эклер.

– Да, ладно тебе, Ирка, что она унесет?! – Юля Нестерова, черноокая красавица с копной медно-каштановых волос, насмешливо посмотрела на Бажину.

– Неважно, – Ирина Анатольевна оторвалась от эклера, и после этих слов стало понятно, что мелкие дрязги, интриги и пакости делают жизнь этого небольшого дамского коллектива интересной.

– Ну, закрывать, может, и не надо было. Вдруг человек закрытых пространств боится? – неуверенно произнесла Ольга Резникова, младший библиограф. Коллектив ее не любил за обилие больничных листов.

– Тогда пусть прыгает из окна, – солдафонски пошутила Люда Шилова. Миниатюрная шатенка Люда проработала в этом отделе всего полгода, но четко поняла расстановку сил и уяснила, какой род шуток здесь любят.

Коллектив почти дружно рассмеялся.

– Нет, вот откуда она взялась? – Бажина приступила ко второму эклеру.

– Из института. Ирка, тебе же все объяснили. – Юля Нестерова повела плечами – она давно заметила, что на нее смотрит сидящий за угловым столиком господин. К мужскому вниманию красавица Юля привыкла. Поклонников у нее было не счесть, а вот замуж почему-то к своим тридцати пяти годам она не вышла.

– Понятно, из института. Но кто-то ее продвинул?

– А какая теперь разница?

– Может, у нее любовник какой-нибудь солидный? – Бажина в сомнении воззрилась на третий эклер, который собиралась отнести домой.

– При крутом любовнике дома сидят, по магазинам ходят, тряпки покупают, а она в библиотеку устроилась, – отрезала Люда.

– Верно. И потом, она такая мышь. – Бажина все-таки отложила третий эклер.

– Не скажите. У нее приятная внешность. – Юля Нестерова великодушно разрешила себе быть объективной.

– Ой, господи?! Да что ты нашла там?! Ни волос, ни глаз! – Люда таким образом сделала комплимент Юле, которая гордилась красотой своих волос и глаз.

– Нет-нет. У нее хорошая фигура. Волосы, конечно, можно было бы посветлее сделать. А то такой у них цвет неопределенный. А черты лица хорошие, немного резкие, но правильные. Ладно, пойдемте, а то человека заперли там.

Когда коллектив вернулся, в кабинете никого не было. Казалось, Светлана так и не заметила, что ее заперли. С огромной охапкой английских журналов она появилась из соседней комнаты только спустя минут тридцать и как ни в чем не бывало уселась за свой стол. Юля Нестерова с Бажиной переглянулись – похоже, демарш не удался. А может, выдержка у новенькой железная?!

В последующие три недели доброжелательные коллеги перепробовали все: они не здоровались по утрам, не отвечали на ее вопросы, даже когда очередной посетитель требовал у нее то или иное издание. Светлана переживала, но виду не показывала. Только вечером, сидя в машине Пашки Соколова, она могла пожаловаться:

– Я не пойму, что им не живется? Деньги получают не такие плохие, условия работы – отличные, не во всяком банке такое встречается. Личная жизнь у всех есть. Наверное. Что они ко мне прицепились?

Пашка, лавируя в московских пробках, думал, что все эти чертовы бабы Светлане завидуют. Завидуют, что она такая молодая, высокая, худенькая. Завидуют ее внешности. Завидуют, что у нее все еще впереди. Вслух же он рассуждал о странностях человеческой натуры. Светлана его слушала рассеянно, как будто и не обращалась к нему с вопросом. Впрочем, Пашке было достаточно того, что она сидит с ним рядом, что дорога домой длинная, а значит, они будут вместе почти до позднего вечера. Заезжать за ней он взял за правило после того, как она в телефонном разговоре пожаловалась на долгую дорогу до метро. Пашка с готовностью поменял свой привычный маршрут и теперь, делая небольшой крюк, подгонял свой щеголь-

ский автомобиль прямо к центральному входу библиотеки. Почти каждый вечер он тешил себя надеждой, что сможет наконец объясниться в любви и, может, даже сделает предложение. Светлана чувствовала отношение Соколова, но вела себя ровно, не обманывая его ожиданий.

Через пару месяцев коллектив оценил Светлану Никольскую по достоинству. Случилось это в тот день, когда из одного посольства поступил запрос на журналы по искусству пятидесятых и шестидесятых годов. Задание было не из приятных. Требовалось найти статьи определенных авторов. Иными словами, следовало пересмотреть все авторские и тематические каталоги, залезть в недавно созданную базу данных, а если это не поможет, вручную листать журнал за журналом в поисках нужного материала. О задании Светлана узнала последней – ее задержали у начальства. Вернувшись в отдел, она застала всех бегающими от стеллажа к стеллажу.

– Что-то случилось? – она повернулась к Люде, которая уткнулась в монитор и нервно щелкала мышкой.

– Ищем статью Тобиаса Стенсона. Ту самую, знаменитую, о культуре. Приблизительно шестьдесят четвертый год.

– Нет, шестьдесят пятый, самый конец, декабрь месяц. Думаю, после числа пятнадцатого.

В отделе повисла тишина. На Светлану опять уставились пять пар глаз. Но только на этот раз в них читалось уважение. С этого момента Светлана стала полноправным членом коллектива. Однако ее поведение не изменилось – она по-прежнему держала небольшую дистанцию, не входила ни в какие дружеские отношения и недружественные коалиции. И это тоже вызвало всеобщую симпатию. Но Свете приятней всего было общаться с Юлей Нестеровой. Они теперь часто ходили вместе на обед, кофе, просто сидели в сквере рядом с библиотекой. Бажина, отчасти лишившаяся подруги, Светлану все-таки недолюбливала.

Юля была дамой начитанной, отлично разбиралась в литературе, прекрасно знала музыку, имела острый ум и язык. В общем, совсем не походила на классический образ библиотекарши. Впрочем, и само заведение, в котором работали девушки, на библиотеку было мало похоже – руководство сделало все, чтобы превратить ее в научно-исследовательский институт гуманитарной направленности. Глядя, как Юля умело кокетничает с посетителями, как она независимо прикуривает сигарету во время их обязательного кофе в кондитерской, как она деликатно отваживает особо назойливых поклонников, Светлана испытывала жгучую зависть. Ей начинало казаться, что в свои двадцать два года она еще ничего не видела, не испытала, не пережила. «Ну, кроме Пашки Соколова», – мысленно добавляла Светлана. Пашка Соколов, ее верный оруженосец, как объект любви не рассматривался ею.

Светлана Никольская была девицей. В самом прямом, медицинском смысле этого слова. «На фоне всеобщей распущенности этот факт просто ошеломляет!» – В институтской поликлинике, где Светлана проходила диспансеризацию, врач-гинеколог поделилась удивлением с медсестрой. Врач даже не догадывалась, что это обстоятельство чрезвычайно смущало Светлану, заставляло ее комплексовать. Причем чем дальше, тем больше. Изредка встречаясь с молодыми людьми, она со страхом представляла интимные встречи, неподдельное удивление партнера, а еще больше ее пугали последствия. Ее невольно сохраненное целомудрие, то качество, которым непременно гордились бы еще пятнадцать лет назад, теперь казалось непреодолимой помехой на пути к личному счастью. «Что я объясню ему?» – думала Светлана, глядя на очередного поклонника. – Что я себя берегла, ждала большую любовь? Ерунда, только насмешишь человека. Так он и поверил. Ведь будет считать, что никому никогда не нравилась и что никто никогда за мной не ухаживал». Светлана, напуганная возможным поворотом событий, на всякий случай напускала на себя холодность и высокомерие, отбивая у молодого человека желание за ней ухаживать.

Подруга Нина, девушка опытная, не переставала возмущаться:

– Господи, да для кого ты себя бережешь?! Так вся жизнь пройдет, и ничего ты не узнаешь про нее. И медицина на месте не стоит… – намекала Нина на современные контрацептивы.

Светлана выросла в строгой семье, ее папа бросался к телевизионному пульту, если на экране показывали сохнущее на веревке женское белье, так что на замечания подруги она только молчала. Она себя совсем не берегла. Просто так получилось, что никто и никогда не добивался близости с ней. На свидания приглашали, в кино, кафе и рестораны водили, долгие разговоры вели и даже целовали. Но дальше этого дело не шло. Светлана честно пыталась понять, в чем же дело? Не найдя подходящих объяснений, она решила, что проблема в ней самой. В ее нерешительности, в ее характере и манере себя вести. В отношениях с мужчинами она была всегда осторожна, подвергала сомнению все, что слышала, и непроизвольно соблюдала дистанцию. Мужчины это чувствовали и, как правило, начавшиеся было отношения быстро сходили на нет. Окончив институт и вступив во «взрослую» жизнь, Светлана надеялась, что уж теперь-то все обязательно переменится. Однако ни в кафе, куда они с Юлей Нестеровой ходили каждый день, и где всегда было много молодых мужчин, ни на работе, где вечно толклись посетители из числа аспирантов, молодых и не очень ученых, журналистов и писателей, ни с кем познакомиться ей не удавалось. Поначалу она приветливо улыбалась, проявляла повышенное внимание, всем видом давая понять собеседнику, что готова к общению. Она стала подчеркнуто модно одеваться, носила узкие брюки и короткие юбки, но дальше вежливых улыбок и деловых разговоров дело не шло. А в самой библиотеке, где работало, кстати, немало мужчин, Светлана получила прозвище «Стерлядь». Прозвище звучало обидно, и совершенно неважно, что имелось в виду – ее холодность, которая все-таки бросалась в глаза, или немного вытянутый и вздернутый профиль. Наблюдательная Юля Нестерова не могла разгадать загадку этой, в общем-то, симпатичной девушки. «Она замороженная какая-то, несмотря на короткие юбки, декольте и эту вечную улыбку. А еще на ней лежит печать старой девы», – раздумчиво произносила Юля. Уж она-то производила впечатление женщины-огня, полной загадок, чувств и романтического прошлого.

Так прошло два года. Светлане надоело предупредительно улыбаться в надежде, что ее позовут в «даль светлую». Захотелось снять каблуки и узкие юбки, надеть широкие джинсы и удобные туфли, закалывать волосы на макушке, чтобы они не мешали. Посетители стали раздражать своей назойливостью, упрямством и неспособностью отличить алфавитный каталог от тематического. А еще никто из них не знал алфавита, поэтому вечно путали полки и ящики. Светлана полюбила пить чай из огромной потемневшей чашки и пряники, которые хранила в нижнем ящике своего стола. В кафе она больше не ходила.

– Одеваться не хочется. Да и холодно, – признавалась она коллегам зимой.

– Господи, там же жара такая, лучше здесь под кондиционером посидеть, – мотала она головой летом.

Дамы из отдела находили ее теперь душевной, своей «в доску» и обожали свалить на нее какого-нибудь капризного посетителя. Светлана в этом случае неспешно подходила к высокой стойке, из-за которой на нее умоляющее смотрел читатель. Вопросы она задавала так, что через пять минут человек готов был расписаться в собственном идиотизме. Светлана же под одобрительными взглядами коллег еще немного упражнялась в язвительности, притворяясь, что не в состоянии понять такого бестолкового читателя, а потом, сжалившись над несчастным, за две минуты находила требуемую газету или журнал.

Пашка Соколов теперь за ней не заезжал. Он как-то вечером позвонил, они долго и бестолково о чем-то разговаривали, а под конец Пашка промямлил, что уезжает на несколько дней, а потому встретить ее не сможет. С этого самого момента они встречались крайне редко. По словам Нинки, у Пашки роман с какой-то девицей.

– Кстати, она – копия тебя. Я их видела в магазине. – Нина неодобрительно посмотрела на Светлану. Нина была уже молодой мамой и вполне наслаждалась жизнью.

Светлане в душе было жаль, что Пашка так внезапно исчез, она даже хотела ему позвонить, но потом обычные ее нерешительность и сомнения взяли вверх. Звонить она не стала,

а только удалила из мобильника все его телефоны. Впрочем, один раз Пашка ее навестил, но он был уже женат.

Ее жизнь, раньше насыщенная и довольно интересная, сузилась до размеров ее отдела. Она любила приходить на работу рано, поливала многочисленные цветы, ставила в вазочку букетик цветов, который покупала на углу у метро, заваривала свежий чай и усаживалась перед окном. Там, где Яуза впадала в Москва-реку, перемешивались потоки машин и потоки пешеходов, маленький парк неслышно шумел низкими деревьями. Светлана смотрела на эту жизнь за окном, пыталась угадать чужие судьбы, немного завидовала, но зависть ее была тихая и незлая, как зависть человека, не рассматривающего борьбу как стиль жизни. Потом приходили остальные сотрудники. Причесавшись, первым делом хватались за свои кружки и тоже усаживались пить чай и сплетничать. День постепенно набирал обороты и заканчивался, когда уже зажигались настольные лампы и в большой комнате становилось уютно. Тогда все начинали собираться домой, и только Светлана не спешила. Она оставалась совсем одна, опять пила чай, смотрела уже в ночное окно и, наконец, когда, поток машин становился тише, когда прохожих почти не было на улице, а у соседнего модного вечернего заведения со свистом тормозили шикарные машины, неспешно собиралась, выключала свет и выходила в темноту. Дома ее встречал настороженный взгляд отца, ужин, который мама всегда оставляла на столе, обычный вопрос о том, как прошел день, и бодрые, несмотря на позднее время, телевизионные дикторы. Светлана торопливо ужинала и закрывалась в ванной. Это было единственное место в ее жизни, где не было посторонних глаз, где она была наедине с собой, где ее никто не мог окликнуть. Правда, через полчаса мама начинала стучаться в дверь и задавать наспех придуманные вопросы. При явном жизненном одиночестве у Светланы Никольской наблюдался дефицит уединения. Того состояния, когда человек принадлежит только себе самому.

Канун Нового года выдался хлопотным. Библиотечное начальство решило провести инвентаризацию, не ограничивая доступа для посетителей. Библиотека, как считает большинство, – это много книг, тишина, пыль и строгие дамы в вязаных кофтах. «Горящий» диплом, срочная пересдача экзамена, страх перед диссертационным оппонентом – все это заставляет библиотеку любить и уважать. Как только экзамен сдан, а у новоиспеченного кандидата побаливает голова после банкета, о библиотеке забывают. Небольшая категория граждан знает, что библиотека хранит в себе прежде всего редкие единицы. Как правило, их не выдают читателям, да и для чтения в читальном зале сотрудники, будь их воля, выделяли бы специальную охрану. И хотя эти книги, газеты и журналы являются государственной собственностью, отношение к ним у библиотекарей, как к реликвиям домашней коллекции. А потому инвентаризация воспринималась всеми как мероприятие муторное, но нужное. Однако в отделе, где работала Светлана, поднялся шум. Инвентаризация предполагала не только перепись всего, что стояло на полках, хранилось в шкафах, но и тщательное изучение всех экземпляров, сложенных в прошлую инвентаризацию в специальные комнаты-хранилища. А также страшные синие пыльные халаты, грязные руки, метание между хранилищами и посетителями. Последние в конце года становились совершенно невыносимыми – все они спешили что-то дописать, что-то досдать, что-то допечатать.

– Как хотите, но наш отдел надо закрыть. У нас все-таки не книги, а газеты и журналы. Подшивки толстые, тяжелые. Мы все будем в фонде, а кто с людьми будет работать? – Ирина Анатольевна воинственно расправила плечи и, достав ярко-оранжевую помаду, приготовилась идти к начальству.

– Правильно, – поддержала ее Юля Нестерова, – пусть нас закрывают.

Люда Шилова и Светлана промолчали. А Оля Резникова решилась на очередной больничный. У нее были все признаки астмы, так что библиотечная пыль пойдет ей явно во вред.

Ирина Анатольевна вернулась через час с недовольно поджатыми губами.

– Не договорилась, – с тайным злорадным удовлетворением произнесла Юля.

– Они сами не знают, чего хотят. Сказали, чтобы и инвентаризацию делали, и людей обслуживали.

– Ну, Ирка, чего ты тогда губы красила своей морковной помадой?! – Нестерова ехидно улыбнулась.

– Сама бы пошла и поговорила, – огрызнулась Бажина, с тайным удовлетворением поглядывая на себя в маленькое зеркальце.

– Так ты у нас вождь. Тебе и карты в руки.

– Меня никто вождем не выбирал, это была моя собственная инициатива.

– Переоценила ты себя, – Юля обожала «завести» Ирину Анатольевну.

– Так как работать будем? – неожиданно для всех спросила Светлана.

– График составим, половина сотрудников с посетителями, половина – в фонде. Потом меняемся. Короче, как обычно.

– Меня не считайте, я чувствую, что заболеваю. – Оля Резникова натужно покашляла.

– Кто бы сомневался, – Нестерова со значением посмотрела на Бажину.

Решено было, что Светлана будет работать в паре с Юлей, а Ирина Анатольевна – с Людой.

– Ой, как хорошо! – сказала по этому поводу Люда. – Вы мне все расскажете про фонд, чтобы я лучше ориентировалась.

В следующий понедельник Светлана, облаченная в линялый, на два размера больше халат, вытирала тряпкой пыль со старых подшивок и заносила в гроссбух инвентарные номера. Юля Нестерова в кокетливо повязанном платочке «Hermes» сидела в старом кресле и, наблюдая за Светланой, рассуждала о мужчинах:

– Ты знаешь, почему у женщин такие проблемы с мужчинами?

– Нет, – отвечала Светлана, пытаясь не дышать пылью. Та скопилась на старых подшивках, давно предназначенных на списание, но не списанных из-за внезапных кадровых перестановок.

– Проблемы оттого, что женщины представляют мужчин такими же людьми, как и они сами.

– А они что, не люди?

– Перестань, я не про затертые до дыр пошлые глупости. Я про то, что мужчины никогда не смогут быть такими, какими мы их хотим видеть.

– Это почему же?

– Да потому, что они тогда вымрут.

– Это следствие, ты пропустила причину. Почему они вымрут, если мы их заставим измениться, и почему они не смогут измениться? – в логике Светлане отказать было нельзя.

Юля кокетливо повертела головой и произнесла:

– Потому что им это не дает сделать их инстинкт самосохранения. Мужчина, который изменится настолько, насколько хочет женщина, перестанет быть мужчиной. Он уже никогда на женщину не посмотрит.

Светлана от души расхохоталась. Сама она искренне считала, что переделывать вообще никого никогда не надо. Надо просто попытаться приспособиться. Ну, конечно, если речь не идет о жизненно важных вещах. И если уж люди решили жить вместе. У нее перед глазами стоял пример ее семьи – мать приспособилась к властному и иногда почти деспотичному отцу так, что теперь он даже не замечал, что живет по правилам матери. «Впрочем, тепла, от этого в доме не прибавилось», – со вздохом подумала Светлана. К своим почти двадцати пяти годам она так привыкла к одиночеству, что все эти вопросы совместимости ее не волновали. Светлана потихоньку становилась эгоисткой – она плохо себе представляла, как можно отказаться от девятичасового сна в выходные, от долгих прогулок в лесопарке (для здоровья полезно!), вкусных обедов в воскресенье. Она любила выпить бокал красного вина поздно

вечером, любила сыр с резким запахом, который, невзирая на гримасы родителей, хранила открытым в холодильнике. Запахом этим пропитывался даже борщ. Так, во всяком случае, утверждал отец. Изменять своим привычкам и обычаям ей совсем не хотелось, даже ради мужчины. Юля же, пережившая не один бурный роман, пришла к заключению, что отношения можно сохранить, только отказавшись от попыток превратить собственного любовника в любимого киноактера. Например, в Джорджа Клуни. В разговорах о жизни и переписи библиотечного фонда бежали дни, неумолимо приближая новогоднюю ночь, в которую Светлана, выпив с родителями шампанского, ляжет спать, не выдержав комментариев отца в адрес участников «Голубого огонька», а Юля уже в два часа ночи начнет дуться, поскольку ее молодой человек заспешит домой к жене с плохим характером (по его собственному признанию) и совершенно избалованным детям.

Тридцатого декабря, в последний рабочий день, коллектив решил отметить наступающий праздник. «Оливье» приготовила Бажина, пирог с капустой и яйцом – Люда Шилова, Юля Нестерова испекла огромный многослойный торт и печенье с вареной сгущенкой. Светлане поручили купить шампанское, сок и кило мандаринов. С этими покупками в руках и с подшивкой французских газет за 75-й год она столкнулась с высоким полным человеком. На его затылке еле держалась шапка-«пирожок» из черной каракульчи. Мужчина был в светлой дубленке нараспашку, так что можно было увидеть дорогой костюм с ярким, почти новогодним галстуком. Красный как рак, мужчина даже не подумал уступить Светлане дорогу, столкнувшись с ней в дверях. Наоборот, он сделал стремительный рывок навстречу, с силой толкнув пакет с напитками в ее руках. Пакет с грохотом обрушился на тяжелую дверь хранилища, и все почувствовали новогодний запах шампанского.

– Вас не учили уступать дорогу женщинам? – Светлана пыталась разглядеть, не попало ли шампанское на ее замшевые сапоги.

– Женщинам – учили, но где вы здесь видите женщин?! Это же ведьмы сплошные, – с этими словами господин в «пирожке» сел в лифт и уехал.

Несмотря на разбитую бутылку шампанского, праздник удался. Выпили настойку на бруснике, которую прихватила запасливая Бажина, попели песни, всласть посплетничали о буйном визитере.

– С чего он так разозлился? – спросила наконец Светлана.

– А он требовал два журнала с собой. Да еще таким тоном. Мол, он писатель. Известный, а мы… А у самого куча материалов. Мы ему отказали. Вернее, Юлька отказала.

– Как ни умолял, как ни просил. – Юля по-кошачьи потянулась.

– А он что, писатель, действительно?

– Ага, на политические темы пишет.

– Да ладно, праздник все-таки, конец года, мало ли для чего человеку нужно. – Светлана отпила наливочки. По телу разлилась приятная слабость. В отделе было уютно, праздничнo, никуда не хотелось идти. Разошлись они в ночную предпраздничную Москву, обсудив напоследок график новогодних дежурств. Светлана мягко покачивалась в почти пустом вагоне метро, предвкушая целых два выходных – ее дежурство приходилось на второе января.

Москва в первые новогодние дни до умопомрачения хороша. Несмотря на снег, снег с дождем или лютый мороз. Как будто прибранные пустынные улицы с елками и гирляндами замерли в ожидании синих вечеров, гуляющих людей, завороженных ребятишек. А пока, утром, чистые спокойные улицы наконец показывают себя во всей красе – со старыми доходными домами, ажурными решетками бульваров и особняков, изморозью реки. Густой дым над центральной ТЭЦ иногда заслонял солнце, именно этот дым неожиданно делал зимний город уютным. Как делает уютным зимний пейзаж дым над печной трубой. Светлана вышла на одну остановку раньше, ей хотелось пройти по Покровке и по Солянке. Она перед праздниками во всей этой суете даже не заметила, что город украсили, что витрины полны заманчивых сюр-

призов, что каток на Чистопрудном бульваре уже давно работает и рядом продают плюшки, блины и горячий чай. Ранние посетители нарезали круги, радуясь тому, что каток пуст. Дойдя до угла бульвара и Покровки, Светлана с удивлением обнаружила, что ее любимый комиссионный магазин открыт. Она на минуту задумалась. Здесь продавались хорошие, иногда совсем новые вещи по вполне вменяемым ценам. Сейчас у нее в сумочке лежали премия и зарплата. Светлана на минуту задумалась, а потом толкнула стеклянную дверь.

В магазине скучали продавщицы.

– С Новым годом! – обрадованный, но все же недоверчивый хор обратился к Светлане.

– С наступившим! – отзывалась Светлана и, предвкушая открытия, пошла вдоль вешалок.

– Вы знаете, тут перед праздниками такую вещь принесли. Прямо для вас. И денег просят немного. Люди просто спешат продать. Уезжают, видимо.

Это начало Свете было знакомо. Она сначала вежливо отмахнулась, но любопытство перевесило рассудительность. Бойкая продавщица юркнула в подсобку, а потом вынесла оттуда что-то темное в плотном дорогом чехле. Когда чехол сняли, то взору предстала маленькая черная норковая шубка. Светлана зачарованно застыла.

– Боюсь, не потяну, – наконец неуверенно проговорила она.

– Бросьте, цена смешная. Но вы сначала примерьте, а то что раньше времени о покупке думать.

Светлана колебалась совсем недолго. Сняв свой коричневый пуховик, она взяла в руки невесомый мех и осторожно набросила его на плечи.

– Да что вы, в самом деле. Надевайте, прямо на ваш свитер. Вам точно будет по размеру, – загалдели продавщицы.

Светлана надела шубу и посмотрела на себя в зеркало. «Подумать только, всего-навсего немного шелковистого меха, и я совсем другой человек», – подумала она. Действительно, из зеркала на нее смотрела высокая, изящная белокурая дама с нежным румянцем. Черная норка оттенила белокурые волосы и подчеркнула светлые большие глаза.

– Вот это да! – охнули девочки-продавщицы. – Да вы просто королева!

Светлана и сама это видела. Но она прекрасно понимала, что купить это чудо не получится. Покрутившись еще минут пять у зеркала, она с сожалением сняла шубку.

– Спасибо, но боюсь покупка не про меня.

– Да вы даже не спросили, сколько стоит.

– Думаю, что в любом случае цена меня расстроит.

Старшая из продавщиц подошла к Светлане.

– Она стоит всего… – тут продавщица слегка понизила тон и произнесла цифру, которая Светлану почему-то не напугала.

– Всего? А почему так недорого, с ней что-то не так? – она снова взяла в руки шубку.

– Все с ней так, просто деньги людям нужны, а сейчас покупателей в праздники мало будет, вот назвали такую сумму.

Светлана задумалась, чтобы купить это черное чудо, надо отдать все, что у нее лежит в сумочке.

«Ну и черт с ним, куплю. А если что, займу у девчонок». Она потянулась к деньгам.

Из магазина Светлана вышла в новой шубке, пуховик же несла в большом пакете, который ей выдали добрые девочки продавщицы. Она заглядывала в большие стеклянные витрины и была счастлива, когда вместо ее обычного отражения на нее смотрела элегантная дама в черной норке.

Вахтер внизу радостно пожурил ее:

– Ага, Светлана Леонидовна, опаздываем, после праздников на работу не хотим идти! – А потом не сдержался и добавил: – Какая вы сегодня шикарная, наверное, на свидание собираетесь?

Светлана радостно улыбнулась и вошла в лифт. В пустом отделе было солнечно от зимнего неба. Светлана, бросив сумку на стол, раздеваться не стала, а поглядывала на себя в большое зеркало, которое висело на стене между стеллажами. В тот момент, когда она, подняв воротник, состроила, как ей показалось, очень гламурную мину, откуда-то сбоку послышался кашель.

– Извините, я не помешал?

Светлана оглянулась и увидела того самого посетителя в «пирожке». Правда, сейчас на его голове шапки не было, и дубленку он свою держал в руке. А еще он держал огромную охапку роз и пакет, из которого выглядывала бутылка шампанского и уголок огромной коробки конфет.

– Не помешали, но хорошо бы стучаться. – Светлана от растерянности запахнула на себе шубу, как будто под ней ничего не было.

– Я стучался, но мне никто не ответил, я поэтому вошел.

– Что вы хотели? Если получить издания, то, к сожалению, мы вам сейчас помочь не можем. У вас задолженность перед библиотекой.

– Нет, я не за журналами. Я хотел бы принести извинения и вот, – тут посетитель неловко положил букет роз на стол и пакет с шампанским.

– Спасибо, вы, конечно, погорячились. – Светлана наконец сняла шубу.

– Вы не представляете, как они со мной тут разговаривали, – мужчина покрылся красными пятнами.

– Вам показалось, вы, наверное, не так поняли. – Светлана поспешила его разуверить, хотя отлично знала свой милый дамский коллектив.

– Ничего мне не показалось, – вдруг так же внезапно успокоился человек, – поздравляю вас с Новым годом, и передайте мои извинения коллегам.

– Спасибо, передам.

– До свидания, – посетитель потоптался у дверей и, уже выходя, вдруг произнес: – А шуба у вас изумительная, и вам она очень идет.

Светлана залилась румянцем и ничего не ответила.

Где-то через месяц, когда уже устали праздновать Новый год, а новую шубу Светланы померили все, когда Никольская уже влезла в долги из-за своей расточительности, а на улицах вдруг запахло весной, в отделе раздался телефонный звонок. Звонили снизу, из бюро пропусков. Просили Светлану Леонидовну.

– Алло, я слушаю, – Светлана держала трубку двумя пальцами, поскольку остальные были в краске. За стеллажами она красила Юлю Нестерову в темно-каштановый цвет.

– Светлана, добрый день. Вы, наверное, меня не узнаете?

– Нет, не узнаю.

– Это Нащокин Михаил Семенович. Тот, который вам шампанское разбил.

– Да, я слушаю вас. Может, вы подниметесь, или боитесь? – Светлана не удержалась от язвительности.

– Боюсь, – быстро согласился говоривший. – И потом, у меня вопрос к вам, лично. Вы не согласитесь со мной сегодня поужинать?

Светлана почувствовала, что ее бросило в жар.

– Но это так неожиданно, я не одета для ресторана, да и для кафе, впрочем, тоже, – Светлана вдруг вспомнила все свои романы, которые заканчивались ничем, и потому решила не испытывать судьбу.

– Да вы не беспокойтесь, хотите, в «Макдоналдс» сходим.

– Нет, в «Макдоналдс» я тоже не хочу, – этот поворот Светлане не понравился совсем.

– Да это я так, чтобы вы не думали, что я сноб и хожу только по дорогим местам. Можете сами выбрать.

Светлана задумалась. Она так давно нигде не была, что и не знала, собственно, куда можно пойти.

– Хорошо, давайте сходим. Только сами решите куда.

– Отлично, я буду вас ждать в машине у входа в библиотеку. В семь часов вечера. Идет?

– Да, – Светлана повесила трубку.

Пять пар глаз внимательно смотрели на нее.

– Встреча. С одноклассником. С тем, который встречал, – нашлась она.

Коллектив разочарованно выдохнул.

Как назло, в этот день домой никто не торопился. Бажина болтала по телефону с подругой. Нестерова ждала, пока окончательно высохнут волосы. У нее в этот день было ответственное свидание, а в лучах февральского солнца так некстати блеснула седина, что пришлось красить волосы на работе. Оля Резникова осталась доделывать проект, который не успела сдать из-за очередного больничного. Только Люда Шилова быстро собралась, но вовремя вспомнила, что не взяла для дочери журналы. Ей пришлось снять пальто и углубиться в стеллажи. Светлана, тайком подкрасив глаза, наспех причесалась, накинула свою шубку и, попрощавшись, пулей вылетела из отдела. Вдогонку ей понеслось бдительное:

– Тебе же еще не позвонили!

Она сделала неопределенный жест рукой и, не дожидаясь лифта, побежала по лестнице вниз. Сейчас ей было все равно, как она выглядит. Чему быть, того не миновать. Ну, не понравятся они другу другу, ну и что. Зато она проведет интересный вечер с достаточно известным писателем. И внешне он симпатичный, только этот дурацкий «пирожок» на голове все портил. На улице перед входом никого не было. Светлана забыла, или, вернее, просто не знала, что стоянку напротив центрального входа запретили. Она в растерянности покрутилась около лестницы, потом подняла воротник и решительно зашагала в сторону метро. В этот момент за спиной просигналила машина. Светлана обернулась и увидела высокий черный джип. Она внимательно присмотрелась – за темным тонированным стеклом сидел писатель Нащокин.

– Садитесь, я уж думал, что вы убежите от меня. Там, у входа, стоять нельзя, вот я за углом и дожидался вас.

– Работы много было под конец, – угрюмо произнесла Света, незаметно рассматривая свою коленку – когда она садилась в высокую машину, то ударилась о дверцу. Не хватало, чтобы чулок порвался.

– Я вас повезу в грузинский ресторан. Он очень скромный, но там очень вкусно. Хозяйка Зоя. И ресторан так называется «У мамы Зои». Вы не возражаете?

– Нет, конечно. – Светлана удобно устроилась и принялась молча смотреть в окно. «Ему надо, пусть сам и темы для разговоров ищет», – подумала она.

Однако темы нашлись быстро. Проезжая мимо «Детского мира», они обсудили советский архитектурный стиль, проезжая по бульварам, вспомнили то, как на прудах ставили елку и фильм «Покровские ворота», на Пушкинской они заговорили о вреде фастфуда – яркая вывеска «Макдоналдса» подсказала им эту тему. К ресторану на Остоженке они подъехали, уже немного узнав друг друга.

В ресторане был полумрак, и Светлана с облегчением вздохнула. Когда же на стол поставили лепешки с сыром, зелень и грузинское вино, стало совсем все просто, по-дружески. Разговор их плавно повернулся в сторону писательской деятельности Михаил Семеновича. Рассказчиком он был замечательным. Светлана, выпив вина, перестала мучиться сомнениями в правильности своего поступка и получала удовольствие. Михаил Семенович веселил Светлану рассказами о поездках в Париж и Рим с группой писателей, о том, как там они ходили по злач-

ным заведениям. Рассказывал он просто, без сальных подробностей, живописно характеризуя приятелей. Светлана, казалось, видела все эти истории, как в кино.

– Я вас как-нибудь с ними обязательно познакомлю, – неожиданно объявил он ей.

Светлана снисходительно кивнула. В душе она понимала, что этот вечер такой запоздалый новогодний подарок. Ей были приятны обещания собеседника, но цену им она отлично сознавала. Так положено, чтобы при расставании не надо было произносить обманные «позвоню», «до встречи». Ведь уже сказано: «приглашу», «познакомлю». Мысли Светланы путались. Она незаметно разглядывала Нащокина. На вид ему было лет сорок пять – сорок семь. Плотного телосложения, со здоровым румянцем и волнистыми, почти не поседевшими волосами. У него были голубые глаза, слегка навыкате. Но очки это отчасти скрывали. И костюм, и обувь, и перчатки, и шарф – все было дорогим. Но не новым, как это иногда бывает у внезапно разбогатевшего человека. Маленькие катышки на тонком шарфе с известным логотипом заставили подумать Светлану, что ее визави любит хорошую шерсть, имеет привязанности к любимой одежде и скорее всего гардеробом своим занимается сам. По его манере есть с аппетитом, со знанием дела и пониманием того, из чего и как приготовлено блюдо, Светлана заключила, что он сибарит, гедонист и вообще человек, предпочитающий земные удовольствия. Правда, до сих пор она не заметила ни одного оценивающего взгляда с его стороны. Ей даже стало обидно. Но стоило ей об этом подумать, как Михаил Семенович произнес:

– Если бы вы так не смущались, я бы сделал комплимент – у вас изумительный цвет лица. Такие лица можно встретить на полотнах Гейнсборо. Вы любите его портреты?

Она любила портреты Гейнсборо и терпеть не могла «маленьких голландцев». О чем прямиком ему сообщила и повергла тем самым в некоторое изумление. Она же, уловив это, стала рассказывать о том, что ее первыми пособиями по рисованию были художественные альбомы издательства «Искусство».

– Почему же не пошли в художественный институт? – Нащокин теперь очень внимательно смотрел на Светлану.

– Да я и не планировала. Я хотела быть журналисткой. Работать в газете…

– Знать все раньше всех, больше всех, лучше всех, – перебил Нащокин ее, – знакомо. Я туда и пошел за всем этим. Разочарование наступило очень скоро. Меня послали делать репортаж о новом трамвайном маршруте. Вы никогда не пробовали разговорить скамейку? Нет? Я тоже. Первый свой репортаж я запорол. Во-первых, я проспал. Во-вторых, ни один из работяг толком мне ничего не сказал, а когда я их пытался сфотографировать, они деревенели. Начальство к тому моменту, когда я туда доехал, исчезло. На планерке меня высекли березовым прутом. Я даже собирался писать заявление об уходе.

– Так и не написали?

– Нет, ответственный секретарь остановил. Сказал, что его первый репортаж о коровнике был ровно таким же. Это меня успокоило отчасти. Ну, правда, потом перевели в отдел литературы и искусства. Там сложно опоздать. К семи часам вечера я был всегда уже на ногах. Да и тема мне нравилась.

– А вы ведь писатель? – Светлана, произнеся это, про себя охнула. «Дура я. Он, наверное, тешит себя мыслью, что я его знаю, читаю», – подумала она. Но собеседник не удивился, а с увлечением рассказал, как написал первую книжку, учился в Литературном институте, о первой разгромной рецензии. Он рассказывал и словно заново переживал все эти события своей жизни. Светлана, которой о себе рассказать было почти нечего, только обрадовалась. Правда, от острых грузинских кушаний у нее горело во рту, вино ситуацию не спасало. «Как чаю хочется!» – подумала Светлана и непроизвольно скривилась.

– Что с вами? Вам не по себе?! – обеспокоился Нащокин.

– Что вы?! Все замечательно. Вы так интересно рассказываете, – смутилась она, но, увидев искренне встревоженный взгляд, попросила: – Давайте обычного чаю закажем.

– Господи! Я все понял! Жажда замучила?

Нащокин засуетился, и через несколько минут перед ними стоял чайник со свежезаваренным чаем и большие пузатые чашки. Светлана налила горячего напитка и блаженно прикрыла глаза.

– Кстати, а вы знаете, как я завариваю чай? Я нарушаю все мыслимые правила, и меня все любители чайных церемоний клянут на чем свет стоит. Но это они от зависти – мой чай все равно получается вкуснее.

– А что вы делаете? – Светлана маленькими глоточками пила из чашки.

– Я, прежде чем в теплый заварочный чайник насыпать заварку, кладу одну чайную ложку сахарного песка. Это способствует экстракции полезных веществ. Чай получается очень насыщенным.

– И сладковатым?

– Что вы! Во-первых, одна чайная ложка – это совсем немного. А во-вторых, вкус чая – горьковатый.

– Но вы же понимаете, что горечь не исключает сладость. Как и кислота не исключает сахар.

– Но чувствуем мы только тот вкус, который сильнее… Впрочем, есть один напиток или даже десерт, который на меня произвел совершенно неизгладимое впечатление. Вы пробовали когда-нибудь силлабаб?

– А это что такое?

– Значит, не пробовали. Это типично английское изобретение. Когда читаешь рецепт, кажется, что это полная ерунда. Исходные продукты совершенно несовместимы. Но получается потрясающе вкусно!

– А как этот силлабаб готовят?

– Все очень просто – берут одну часть сухого белого вина, две части жирных сливок, сок двух лимонов и две ложки сахара. Все смешивается и взбивается миксером пять минут. Получаем огромную пышную пену, которую выкладываем в сито. Ждем немного, чтобы из пены стекла жидкость. Впрочем, если вы не поленились и взбивали достаточно времени – жидкости будет очень мало. Теперь самое главное – бокалы наполовину наполняем вином или лимонадом, а сверху кладем большую шапку пены. И в холодильник.

– Действительно, странно, мне всегда казалось, что вино и сливки приводят к творогу.

– Кстати, это рецепт еще 1807 года…

Уезжали они из ресторана поздно, и то только после того, как отец Светланы дважды позвонил ей на мобильный.

– У вас строгие родители, – заметил Нащокин.

– Да, – согласилась Светлана, – как-никак единственная дочь.

– У меня тоже есть дочь. Конечно, моложе вас, но капризная, как принцесса. А иногда почти неуправляемая.

Светлана смешалась. «Если есть дочь, то есть жена. А кольца на пальце нет», – пронеслось у нее в голове. Она вспоминала, как Юля Нестерова учила ее распознавать женатых мужчин: «Если у него деньги по карманам, то не женат, если все в одном кошельке – точно жена есть!» Светлана решила не пропустить момент оплаты счета. Нащокин расплатился кредитной карточкой. Официантка, увидев ее, уважительно наклонила голову.

Из ресторана они вышли в мокрую февральскую метель. Светлана куталась в свою любимую шубу, Михаил Семенович поддерживал ее за руку. Нащокин довез ее до дома, помог выйти из машины и проводил до подъезда.

Отец встретил ее недовольным бурчанием, мать внимательным взглядом. Но она молча прошла в свою комнату. «Он симпатичный. Только без своего «пирожка», – подумала она, засыпая.

Михаил Семенович ехал не спеша по зимней Москве. Домой не хотелось. Что-то в этом вечере было такое, что не хотелось перебивать дежурными семейными репликами, мелкой грызней и житейскими проблемами. Жена Алина, с которой у него давно не было никаких отношений, не могла взять себя в руки и перестать наконец предъявлять претензии. А претензий было много. «Во-первых, ты бабник. Ты всегда гулял, а теперь совсем совесть потерял. Во-вторых, ты все деньги тратишь на свои книги. Кому нужны эти собрания сочинений? А деньги, живые деньги, нужны всегда! И еще. Ты собираешься дочери квартиру покупать? Ты что же думаешь, я с ней, взрослой уже девицей, буду вместе жить? И не надейся. Она тогда в твою поедет. А ты поступай как хочешь!» – Все это Алина выпаливала одним залпом. Потом уже, немного успокоившись, жена старалась помириться. Но отношения за долгие непростые годы были безнадежно испорчены. Они отвыкли спокойно разговаривать, отвыкли жалеть друг друга и беречь. Врагами они еще не стали, но и дружбы или крепкой привязанности уже не было. Жили они пока вместе – до решения квартирного вопроса. В общем, Михаил Семенович домой не спешил. Он кружил по тихим улочкам центра, вырывался на широкие проспекты, вдоль которых цугом шли машины, убирающие снег, потом опять возвращался на бульвары и набережные. Ему хотелось, чтобы в доме все заснули и не испортили впечатления от сегодняшнего вечера. И ему очень не хотелось ругаться. Душа его была полна умиротворения и нежности.

На работу Светлана опоздала. Вставать не хотелось, не хотелось в спешке собираться, давиться горячим кофе, толкаться в метро. И очень не хотелось выходить в утреннюю темноту. «Позвоню, скажу, что заболела», – подумала она и уснула. Когда она открыла глаза, в окно заглядывало хмурое небо. Февраль, капризный месяц, сыпал мокрым снегом. Светлана несколько минут внимательно разглядывала серые хлопья облаков. Она любила так поваляться, мысленно побродить по минувшим событиям, предстоящим делам, прислушаться к себе. Сегодня Светлана с удовольствием посмотрела на хмурое небо. Она вспомнила вчерашнюю ночную метель, сильную руку, которая бережно ей помогла сесть в машину, крупную мужскую фигуру, которая терпеливо дожидалась, пока она войдет в лифт, охраняя ее от неприятных случайностей. «Все-таки надо иногда ходить на свидания!» – подумала Светлана. Она суеверно не стала анализировать вчерашний разговор. Она не задавалась вопросом, почему так внезапно он пригласил ее на ужин. «Все дело в волшебной шубе!» – подумала Светлана и потянулась к мобильному телефону. На работе не удивились ее опозданию.

– Так, все понятно, встреча старых друзей, ладно, отсыпайся, приходи к обеду. Все расскажешь вечером. – Юля рассмеялась в трубку.

Ключевые слова – «все расскажешь». Коллектив не признавал личных тайн, ему до всего было дело. Каждый хотел высказать свое мнение по поводу любовника, друга, семейной ссоры или нового платья. Светлане, которой до этого рассказывать было почти нечего, а из нарядов самым большим событием стала новая шуба, теперь это правило не нравилось. Ей ничего никому не хотелось рассказывать. Причин на то было несколько. Во-первых, если Нащокин не позвонит, а то, что звонка не будет, она уверена, то все станут свидетелями ее личной неудачи. Во-вторых, она себе не могла объяснить это внезапное внимание с его стороны, и очень не хотелось, чтобы все строили догадки. «Придется врать про Пашку. Бедный Пашка!» – Светлана вскочила с постели и помчалась в душ. За завтраком она рассказывала матери о том, что Пашка Соколов просил ее помощи.

– Ему нужны некоторые учебные пособия, а их можно найти только в межбиблиотечном фонде. Вот он и позвонил.

– Какой молодец, продолжает учиться, – говорила мать, облегченно вздыхая. Причина позднего возвращения дочери была проста и уважительна.

– А Пашка, по-моему, женился, – бросил через плечо отец, куривший у окна, – жена его не волнуется, пока вы с ним книжки в межбиблиотечном фонде выбираете по вечерам?

– Ну, что ты, Леонид, вечно все усугубляешь?! Они люди взрослые, разберутся. И почему ты видишь во всем плохое?! – Мать решительно встала, давая понять, что разговор на эту тему закончен. Светлана поцеловала мать в щеку и выскочила на улицу. Хмурое небо февраля улыбалось – сквозь тучи проглядывало солнце.

– Значит, вы в кафе посидели, поболтали? А почему опоздала? – Юля, улыбаясь, посмотрела на Светлану.

– Ага, заморочил он мне голову своими книгами. Собирается второе высшее получать, только сам не знает, чего больше хочет. Так, по своей автомобильной промышленности дальше учиться. Только, естественно, на другой специализации, или менеджментом заняться, – вдохновенно врала Светлана.

– Зачем ему это, он и так, видимо, денег много зарабатывает. – Нестерова помешивала ложечкой чай.

– С чего ты взяла? По-моему, так, середнячок.

– Ну да, середнячки на таких джипаках только и ездят.

Светлана почувствовала, как краснеет. Она не любила и не умела врать.

– Ты-то откуда знаешь?

– Видела, как ты садилась в машину, – рассмеялась Юля. – Правда, самого твоего Пашку не разглядела – как раз за мной приехали, – многозначительно добавила она.

День был как день, с вереницей людей, с хлопотами, с потерянными абонементами, со звонками из дома. Светлана самозабвенно погрузилась в обычные дела. Она не хотела давать себе воли и думать о возможном продолжении вчерашней истории. Большие круглые часы над стеллажами показывали семь часов, начальник отдела Феодосия Ивановна, похожая в своей желтовато-рыжей шубе на головку сыра, уже выплыла из своего кабинета и прокричала троекратное: «Девочки, по домам, по домам, по домам. Нечего мужей голодными держать». Бажина уже нарисовала себе оранжевые губы, а Оля Резникова застыла в нерешительности, какой из двух витаминов принять в вечерний прием. Светлана выключила компьютер, собрала сумку, и в этот момент раздался телефонный звонок. К телефону ринулась Нестерова. Обычно звонили ей. Светлана вздрогнула. Вчера она весь вечер ждала, когда ее спутник попросит номер ее телефона, но тщетно. Собственно, по этой причине Светлане и не верилось в продолжение истории.

– Светлана Леонидовна, вас, – пропела Юля.

Светлана взяла трубку.

– Да?

– Света? Добрый вечер, как ваши дела? – раздался в трубке знакомый голос.

– Нормально, ничего не произошло такого, что меня бы напугало или насторожило.

– Вот и отлично. Как вы посмотрите, если я за вами сегодня заеду и провожу домой. На улице снег опять, мокрый и противный.

– Так он будет еще месяца полтора, что ж теперь делать!

– Как что? Ездить домой на моей машине. Я готов вас возить. – Голос на другой стороне провода был бодрый, но не очень уверенный.

Светлана растерялась – соблазн согласиться был велик. Но что-то подсказывало ей, что надо взять паузу, маленькую, под исключительно благовидным предлогом.

– Лучше на завтра перенести это мероприятие, – наконец сказала она.

– Понимаю, вам не очень удобно говорить – вы сегодня заняты. Жаль. А завтра мне позвонить в это же время?

– Да, пожалуйста.

– Отлично, тогда до завтра? Хорошего вечера.

В трубке раздались гудки. Светлана вернулась на свое место и опять включила компьютер. Ей хотелось дождаться, пока все уйдут, чтобы спокойно обо всем подумать. Наверное, он позвонил не случайно. Но стоит ли ей «включаться» в эти отношения, не повторится ли все опять? Не потеряет ли этот человек интерес к ней через короткое время, как случалось уже не раз? Интересно, отчего это происходило? Отчего люди внезапно отстранялись, переставали звонить и исчезали из виду. Даже дружеских отношений не оставалось. Светлана рассеянно смотрела на голубой монитор, машинально попрощалась с коллегами. В душе сомнения боролись с решимостью сделать первый шаг к возможному счастью. Она даже не задавала себе вопрос, нравится ли ей Нащокин. Она все равно бы на него не ответила – слишком мало времени они знакомы, но повести себя в сложившейся ситуации иначе, чем всегда, – это мысль доставила ей удовольствие. Она решительно полезла в кошелек. Покупка шубы научила ее рисковать.

В магазине было почти пусто. До закрытия оставался час, после Нового года покупатели не торопились с тратами. Светлана уже выбрала тонкое синее платье из шерсти, темно-серые брюки и светлые джинсы. Коробка с короткими замшевыми сапожками ждала ее на кассе. «Мама меня убьет!» – Светлана старалась не думать, что будет объяснять дома, когда ее спросят про деньги на новый дачный забор. «Ничего не буду объяснять! До забора еще четыре месяца. Заработаю. Дополнительные дежурства в выходные возьму. Господи! Все! Я ни о чем не думаю, а просто покупаю эти вещи», – она тряхнула головой и положила ворох одежды на прилавок. «А мобильный он так и не попросил. Может, зря я это все?» – Мысль мелькнула да и пропала, придавленная чисто женской радостью от обновок.

Повстречались они через день. Михаил Семенович подъехал к семи вечера, они немного потолкались в пробках, а потом он вдруг сказал:

– Вы не хотите погулять на Воробьевых горах?

– Нас там сдует в речку. – Светлана посмотрела на пургу.

– Не сдует и не заметет, мы немного пройдемся, а потом поедем куда-нибудь в тепло чай с пирожными пить, согласны?

– Давайте попробуем.

Их не замело. Они, укутавшись в свои шарфы, шагали по хрусткому снежку, слушали, как шумят ели, смотрели на вечерний город со смотровой площадки, потом обошли университет. У подъездов было людно, студенты вернулись с каникул, что-то рассказывали друг другу, раздавался смех. Здесь было все пронизано радостью и будущим. Светлану с Нащокиным нечаянно обстреляли мокрыми снежками, потом кто-то громко извинялся, как вдруг чей-то голос воскликнул:

– Михаил Семенович! Это вы?! «Хвосты» принимаете?

Нащокин растерянно оглянулся, но так и не понял, кто его окликнул. Тут подбежали несколько человек и наперебой стали ему что-то говорить. Светлана осторожно отпустила его руку и отошла. Она махнула ему и пошла вдоль аллеи.

– Мои студенты. Я у них курс читаю. – Нащокин, раскрасневшийся, с выбившимся из дубленки шарфом, догнал ее.

– Я так и поняла. Пойдемте, здесь очень хорошо, но я замерзла.

Они сели в машину и поехали в кондитерскую, где Светлана с аппетитом съела несколько пирожных. Нащокин с румянцем во все щеки что-то рассказывал ей о лекциях, студентах, сессии.

«Хорошо как! И он такой забавный, такой домашний», – думала Светлана.

«Она просто красавица. Особенно, когда смеется и не делает такое жалкое лицо, какое у нее было в первую встречу. Как будто извиняется перед всем миром». Нащокин тайком, как ему показалось, скользнул взглядом по ее фигуре, удачно подчеркнутой синим платьем, и с воодушевлением продолжил:

– А на самом деле они ничего не выучили…

В этот вечер Нащокин наконец попросил у нее номер телефона. Она смотрела, как он старательно забивает его в память мобильника, как старательно пишет ее имя, и ей показалось, что сейчас все будущее у нее в руках. Только от нее одной зависит, что с ними обоими случится в будущем. Она только собралась с ним заговорить, как он, бросив телефон, взял ее за руку.

– Ну вот, теперь я буду звонить вам часто, не боясь нарваться на ваших вредных подруг. Они точно ведьмы.

Потом Светлана уже не боялась загадывать – она почему-то была уверена, что Нащокин будет ей звонить и они будут встречаться. Она чувствовала, что его интерес к ней не обычный мужской, плоский и предсказуемый. Поняв это, она перестала притворяться, стала сама собой, и от этого выиграли оба. Действительно, сдержанность и какая-то незаинтересованность, какое-то тайное равнодушие будили любопытство, побуждали искать встреч и, что самое главное, оберегали их обоих от быстрой близости, после которой парам иногда ничего не остается, как расстаться.

Они вместе проводили выходные. Он при любом удобном случае заезжал за ней на работу, а иногда просил ее съездить с ним по делам. Она соглашалась и, оставаясь в машине, наслаждалась до этого неизведанным чувством принадлежности другому человеку. Прошла пара месяцев, а им обоим казалось, что они знакомы очень давно. Но чем дальше шло время, тем тревожнее становилось Светлане, она понимала, что очень близок тот момент, когда они встретятся наедине. Мужское нетерпение уже читалось по его глазам, в его жестах и словах. Но ни разу он себе не позволил поторопить ее.

Возвращаясь из кино, они немного прогулялись – Светлана захлюпала носом:

– Скорее бы уже настоящее тепло.

– А за городом еще полно снега и ночью мороз. Но весной тянет даже от реки. Поехали посмотрим?

Нащокин проводил ее до подъезда. Они договорились, что увидятся в субботу и поедут за город. «Одевайтесь теплей, валенки и все прочее, мы поедем далеко, за Звенигород, к моему приятелю, он там домик охотничий держит». Светлана вспомнила, как она смутилась, поскольку мысли сразу потекли в тревожном направлении. Это не укрылось от Нащокина.

– Не бойтесь, вы мне нравитесь, иначе зачем бы я так назойливо за вами ухаживал. Но между нами что-то будет только при условии вашей расположенности ко мне и при вашем желании. Но сейчас об этом говорить рано. Мы едва друг друга знаем.

Собирая сумку, Светлана все время вспоминала эти слова. Он нравился ей, хотя она уже заметила некоторую поглощенность собой, любовь к позерству. Впрочем, он был очень добрым и легко уступал, когда понимал, что человеку это приятно.

– Ты куда собралась? – Мать тревожно наблюдала за сборами.

– Мам, меня пригласили за город, на один день – я утром уеду, вечером буду дома. Мы там погуляем, пообедаем и вернемся.

– Света, ты же не с Пашей едешь? У тебя новый знакомый появился?

– Не такой он и новый, он у нас постоянный посетитель. Наши девочки его хорошо знают.

– Осторожней будь, – мать оглянулась на дверь, но, не увидев отца, шепотом спросила: – А сколько ему лет?

– Сорок пять.

– Да, много.

– Мам, нормально. Он женат, у него дочь. Но с женой не живет.

– Почему ты за Пашу не вышла? Ведь он так тебя любил.

– Мам, не вышла, потому что не любила. И при чем тут замуж, Паша и все такое. Я еду просто отдохнуть.

Светлана подхватила сумку, попрощалась через дверь с отцом и вышла на улицу.

Охотничий домик представлял собой небольшой двухэтажный коттедж из красного кирпича. Все вокруг было завалено снегом, и только тропинка к крыльцу была расчищена так тщательно, что виднелась темно-коричневая плитка. Приятель Нащокина, подвижный смешливый коротышка, встречал их на пороге. Из приоткрытой двери послышался женский голос: «Не морозь людей, дай им в тепло зайти, потом уж здороваться будете!» Светлана и Нащокин вошли и увидели очень худенькую темноволосую женщину.

– Лариса, – представилась она Светлане, – а вы Света, мне о вас Миша все уже рассказал.

– Что же он рассказал? – Светлана вскинула глаза на Нащокина.

– Ничего плохого. Только то, что ты работаешь в «террариуме».

– Ну, если только это… – Светлана отметила этот вполне уместный переход на «ты».

– Так, ребята, переодевайтесь в теплое, и пойдем осматривать наши владения.

Лариса отвела их на второй этаж, где было несколько комнат. Одну занял Нащокин, вторую – Светлана. Ее комната была теплая, светлая, с большой деревянной кроватью под красивым покрывалом с розами. Тут же, за узкой дверью, находилась ванная комната с теплым полом, пушистыми полотенцами и маленьким оконцем-витражом. «Славно как», – Светлана включила телевизор и стала переодеваться.

Когда она спустилась вниз, то Лариса, ее муж Захар и Нащокин ждали ее на крыльце.

– Так, девушка Снегурочкой станет. – Захар оглядел тонкую курточку и маленькую вязаную шапочку, которая из-за длинных волос сидела прямо на макушке, открывая холоду уши и лоб.

– Пойдем, я тебя одену, – Лариса подтолкнула Светлану в дом.

Через полчаса Светлана в теплом тулупе и пуховом козьем платке шагала, высоко задирая ноги, по лесным сугробам. Мужчины пошли вперед, они спешили осмотреть, пока не наступили сумерки, новые постройки. Лариса и Светлана шли не спеша, разглядывая снежные деревья, вдыхая влажный снежный воздух ельника.

– Правильно, что вы сюда выбрались, Миша о тебе много рассказывал. – Лариса прямо посмотрела Светлане в глаза. – Мы его знаем давно. Они с Захаром учились вместе. Хорошо, если у вас ним что-нибудь получится.

– Что вы имеете в виду?

– Света, у него давно нет нормальной семейной жизни. Не в смысле, что нет, где борща домашнего поесть, а в том смысле, что никому не интересно, что он делает, над чем работает, что пишет. Я никогда не разговаривала с ним на эти темы, да и Алина, его жена, давно не звонит, хотя подругой была раньше. Но сейчас вижу, что они не помирятся.

– Мы с ним недавно знакомы. Поэтому рано о чем-либо говорить.

– Я его хорошо изучила. Он влюбился в тебя.

Мужчины, ушедшие вперед, уже возвращались назад. Теперь уже вчетвером они пошли на речку, посмотрели, как на потемневшем льду безрассудные рыбаки сидят над своими лунками, послушали, как звонят колокола Спасо-Савиновского монастыря, сделали небольшой круг и зашли в деревню. Там Лариса купила десяток утиных яиц.

– Не представляете, какая вкусная яичница. Завтра на завтрак поджарю вам.

– Лариса, мы не останемся на ночь, Светлана должна быть дома, – Нащокин замедлил шаг. – Я бы, конечно, остался, но не могу подводить ее.

Светлана кивнула:

– Я обещала домашним. Уж извините, утиные яйца будем в следующий раз есть, если пригласите.

Захар с Ларисой разохались, стали уговаривать, но Нащокин прервал их:

– Решено. Но от обеда не откажемся.

В большой столовой Лариса накрыла стол. Принесла блюдо с жареным гусем, картошку и соленья. Нащокин вытащил из своей сумки пакет с продуктами и вином, Захар достал водку,

Светлана и Лариса расставляли тарелки и угощение. Когда наконец все уселись за стол, хозяин дома поднял рюмку:

– Первый тост за гостей. За умных, верных, – тут он посмотрел на Нащокина, – и за красивых, – он перевел взгляд на Светлану.

Та покраснела и отпила перцовой настойки. После снега и мороза горьковатая жидкость показалась ей горячей и вкусной. Вспыхнуло лицо, стали горячими руки, побежали мурашки по спине. Она прислушалась к своим ощущениям – стало весело и свободно.

– А может, завтра поедем, а домой я позвоню, – неожиданно для себя сказала Светлана, глядя на Нащокина.

– Мать, ты бы сразу сказала, я бы водку пил, а не этот яблочный сок, – с шутливым гневом ответил он. – Захар, наливай ты мне водки, остаемся.

От его ответа, такого простого, будто они прожили бог знает сколько лет, она, счастливая, шмыгнула носом.

…Хотелось спать, но заснуть мешали ледяные ноги. Почему они мерзли, Светлана понять не могла. В комнате было жарко. Светлана встала, в темноте нашла сумку, вытащила шерстяные носки и надела их. Возвращаясь в постель, она наткнулась на тумбочку, уронила часы и книги. В ночной тишине звук падающих предметов был равносилен взрыву. Пока она собирала с пола книжки, в комнату кто-то вошел. Этот кто-то неслышно подошел к ней, обнял и тихо спросил:

– Ты долго буянить будешь?

– У меня ноги окоченели. И я заснуть не могу.

– Давай сюда эти ноги.

Светлана почувствовала, как теплые руки растирают ее ступни, потом губы целуют ее щиколотки. Потом… Потом она уже ничего не чувствовала, кроме сильного горячего тела.

Утро могло не наступать – настолько хороша была ночь. Открыв глаза, Светлана изучила профиль на соседней подушке. Профиль спал, посапывая. «Итак, свершилось. Надо будет позвонить Нинке!» – осознав всю степень собственной глупости, Света расхохоталась в подушку.

– И что смешного? Я – храпел? – спящий профиль вдруг ожил.

– Нет, у меня просто хорошее настроение.

– Какое совпадение – у меня тоже. Хотя я еще почти сплю. Замуж за меня пойдешь?

Светлана на минуту задумалась.

– Не знаю. После завтрака определюсь.

Из той череды бестолково-радостных дней в воспоминаниях Светланы сохранились лишь отдельные эпизоды. Вот Ирина Анатольевна, неприятно поджав оранжевые губы, с явным сомнением спрашивает:

– Ты выходишь замуж? За этого Нащокина?

– Да, – отвечает Светлана, почему-то чувствуя внутри непреодолимое желание оправдать перед коллективом свой поступок.

Отдел затихает в ожидании подробностей, но она, сделав над собой усилие, только приветливо улыбается и продолжает что-то набирать в компьютере. Феодосия Ивановна, славная заведующая их отделом, по этому случаю подарила ей огромную янтарную брошь.

– Это тебе на свадьбу, – она высморкалась в платок. Как и все пожилые одинокие люди, Феодосия Ивановна очень трепетно относилась к матримониальным событиям.

Вот Юля Нестерова в кафе, куда они спустились посекретничать, долго расспрашивала о Нащокине, об их романе, о том, куда они поедут в свадебное путешествие, а потом вдруг расплакалась. Светлана кинулась ее утешать и из сбивчивых объяснений поняла, что очередной

любовник так и не ушел от жены и что время идет, а ей, Юле, страшно, потому что уже тридцать шесть лет. Светлана растерялась, не зная, как утешить подругу, пока вдруг не выпалила:

– У Нащокина приятель есть. Близкий. Очень хороший человек. Давай тебя познакомим с ним. Есть еще один, но он женат, с ним не надо знакомиться, а то все получится как всегда.

Нестерова сначала разозлилась, а потом рассмеялась.

Вот Нащокин показывает паспорт, в котором стоит штамп о разводе. Светлана делает вид, что можно было бы и не показывать, но в душе чувствует облегчение. Уж больно активно бывшая жена Алина боролась за ненужного когда-то мужа.

– Ты знаешь, если хочешь, мы можем и не расписываться, – на всякий случай сказала тогда Светлана.

– Нет уж, – отвечал Нащокин, – я как раз хочу расписаться, чтобы ты от меня никуда не убежала.

«Неужели он меня так любит?» – недоверчиво думала она, глядя, как ее будущий муж внимательно изучает заявления в загсе.

Вот отец при первом знакомстве почему-то не стоит спокойно, а озабоченно кружит по комнате и язвительно произносит:

– Ну, мы с вами ровесники, можно и на «ты».

– Можно, – соглашается мягко жених и тут же добродушно добавляет: – Но мне все-таки кажется, что я старше вас.

«Ага, один – один!» – думает про себя Светлана, которая расставляет на столе «парадные» чашки в кобальтовую сеточку.

Вот мать, одетая в элегантный брючный костюм с хризантемой на лацкане, стесняясь, целует дородного жениха в румяную щеку.

Вот Пашка Соколов, щегольски одетый, заезжает на пять минут в ресторан, где они в узком семейном кругу ужинают по случаю бракосочетания.

– Поздравляю, – Пашка протягивает Светлане прямоугольный предмет, обернутый в тонкую шелковистую бумагу. Потом, через пару дней, она распечатает пакет и проплачет над подарком целых два часа. Пашка ей подарил дорогой, в кожаном переплете с золотым тиснением альбом с ее же фотографиями, которые он делал с шестого класса. В день ее свадьбы он с ними расстался. Светлане стало жалко Пашку, себя, Нащокина и еще почему-то маму и отца. Поплакав, она спрятала альбом в укромное место.

Еще одно воспоминание было неприятным. Дочь Нащокина, высокомерная модно одетая девушка, не глядя на Светлану, сухо поздравляет отца и отворачивается. Нащокину неудобно, он, извиняясь взглядом, берет дочь под руку и выходит в другую комнату. После Светлана ни разу дочь не видела, а только невольно слышала бурные объяснения с отцом.

Вот они смотрят квартиры и дома. Нащокин влез в долги, взял кредит в банке для того, чтобы они жили за городом. И наконец они въезжают в этот симпатичный и уютный дом, который на фоне остальных кажется маленьким в этой подмосковной деревне. Но Светлане он кажется дворцом. Долги Нащокин, невероятно напрягаясь, отдал быстро. А кредит решили потихоньку погашать, рассчитывая на прибыль от издательского дела. Нащокин со своим приятелем организовал его пару лет назад.

– Ты поможешь мне? – спросил Нащокин Светлану.

– Конечно, – не сомневаясь, ответила та и уволилась из библиотеки.

С этого момента директором и самым главным человеком в этой издательской компании стала Светлана. Правда, для того чтобы почувствовать себя уверенно и не стесняться платить сотрудникам зарплату, должно было пройти изрядно времени. Особого беспорядка в делах она не нашла, ну, кроме разве что небольшого воровства бумаги. Вызвав печатника, симпатичного Алексея Игнатьевича Прокопенко, Светлана сказала:

– Давайте договоримся, что всю бумагу на тираж журнала буду заказывать я.

Алексей Игнатьевич начал свой ответ с фразы:

– Светлана Леонидовна, так бумага, пом там, пом сям, мне нетрудно…

Смешное присловье «пом там, пом сям» использовалось печатником в затруднительных обстоятельствах – когда нужно было выиграть время или когда не хватало слов, чтобы выразить чувства. Кроме этого эпизода, никаких других финансовых нарушений обнаружено не было. Светлана просидела несколько вечеров, составляя план реорганизации конторы, обсудила его с Нащокиным, и он, удивившись зрелости и рациональности суждений жены, дал полное согласие по всем пунктам. Через полтора года компания вышла на вполне приличную годовую прибыль. Правда, банковский кредит погашался медленно. Сначала они платили лишь проценты по кредиту, а уж только потом сам кредит.

Жизнь с Нащокиным была спокойной. Очень быстро Светлана обнаружила, что больше всего Михаила Семеновича интересует он сам и его собственное творчество. Ничего удивительного или неприятного в открытии не было. Нащокин не был эгоистом в прямом смысле этого слова. Он просто впервые за всю свою жизнь получил возможность полностью отдаться любимому делу – писательству. Бывшая жена ни в грош не ставила его творчество и всячески старалась нагрузить его семейными проблемами, которые вполне могла решить сама. Плюс к этому вечная подработка, халтура, репетиторство – все, что позволяло заработать лишний рубль. Все это отнимало не только время, но и силы. Нащокин, каждый раз приступая к написанию очередного сценария для рекламного ролика, давал себе слово, что это последний раз, что с понедельника он садится за книгу. Однако слово держать не получалось – дочь хотела учиться во Франции на художника по костюмам, Алина не хотела работать вообще.

Теперь же он совершенно спокойно, чувствуя прочный тыл, легко писал книги одну за другой. Их публиковали, выплачивая немаленькие гонорары. В общем, если бы Алина дала ему хоть немного простора для его творчества, то богатство пришло бы гораздо раньше.

Въехав в неплохо отделанный дом, Нащокин решил-таки довести его «до ума». Он несколько месяцев бродил по комнатам с дрелью, молотком, пилой и другими инструментами. Вернувшись с работы, он каждый вечер что-то пилил, строгал, прибивал, сверлил. Так продолжалось довольно долго, пока Светлана не взмолилась:

– Миша, пощади, у нас уже как в сумасшедшем доме – гвозди в стенах через каждые два сантиметра!

Нащокин остановился, а Светлана быстро пожалела о сказанном – с этого момента Миша за молоток не брался вообще.

Дом их представлял собой небольшую барахолку. Сюда они тащили все – понравившиеся старые кресла из мебельной комиссионки, посуду из «Икеи», старый мамин комод и книжные полки родом из семидесятых. Они не продумывали каждую мелочь, они просто жили, окружая себя трогательными привязанностями. По дому бродили три кота и один мохнатый пес. Три кота – Отелло, Дездемона и самый вредный, вечно царапающийся когтями Шейлок – были любимцами Светланы. Понятно, что в быту от их литературных имен остались начальные буквы – Оти, Дези и Шей.

– И стоило выпендриваться, литературная твоя душа?! – шутил над Светланой Нащокин.

Его друг пес Кубик, если бы мог, носил бы хозяина на руках. Как только машина Нащокина появлялась в воротах, Кубик делал сальто-мортале, перелетая через все взлелеянные Светланой клумбы и первым встречал хозяина, выходящего из машины. С этой минуты он маленькой тенью следовал за Нащокиным. Когда же Михаил Семенович уединялся для творчества в кабинете, Кубик забирался под письменный стол, приваливался к ногам Нащокина и крепко засыпал. В эти минуты из кабинета доносились несвойственные творческому процессу звуки, ибо Кубик во сне имел обыкновение храпеть, свистеть и стонать одновременно.

– Миша, ты спать идешь? – окликала его Светлана через дверь.

– Не могу, Кубик на ногах улегся, посижу еще, попишу.

«Мой соавтор», – представлял Кубика Нащокин гостям.

Поздно ночью Светлана просыпалась от того, что снизу, из кухни раздавался звон посуды. И по ее наблюдениям, чем осторожнее Нащокин старался хозяйничать, тем больше шума он производил. Светлана натягивала на себя его старый длинный свитер, спускалась вниз и обнаруживала мужа, заваривающего свежий чай. Нащокин был фанатом чаепития. Он не только разбирался в редких сортах, но и знал, какой чай сколько минут надо заваривать.

– Осторожней, передержишь! – выговаривал он Светлане. – Запомни, темный оолонг и любой черный чай должны быть залиты крутым кипятком. Вода должна быть сто градусов, не меньше. А светлый оолонг градусов восемьдесят!

– Ну, ты даешь, как я отличу эти самые градусы?! Для меня что сто, что восемьдесят!

– Соображай, голубушка, – горячился Нащокин, – слышишь, чайник шумит, вот и заливай белый или зеленый. Только имей в виду, зеленый чай можно заваривать только три минуты, иначе горьким будет, словно хина.

Ночами, когда на кухне командовал Михаил Семенович, они усаживались за стол, прихлебывали из огромных фарфоровых чашек чай, грызли орешки, ели шоколад и болтали обо всем на свете. Проголодавшийся Нащокин был подвержен приступам кулинарного экспериментаторства. Светлана в эти моменты старалась не попадаться ему под руку – она на всю жизнь запомнила историю с «Храмом Соломона». «Храм Соломона», по утверждению ее мужа, было блюдо времен Наполеона.

«Видишь ли, весь смысл в том, чтобы начинка не потеряла свои соки. Чтобы под корочкой из теста было нежное мясо», – говорил он. Правда, забыл, что это должно быть мясо креветок. Где-то через два часа Светлана пыталась отделить руками и зубами жестковатое тесто, бледные панцири креветок и собственно креветочное мясо…

– Что-то не так? – воинственно поинтересовался Нащокин, глядя на ее мучения.

– Все замечательно, дорогой! – отвечала Светлана, прикидывая, как бы незаметно выплюнуть этот «Храм Соломона». Позже, усердно работая зубной нитью, она бросила взгляд на оставленный в ванной комнате гастрономический журнал. Журнал был на французском языке. «Понятно, неточность перевода!» – Нащокин просто-напросто плохо перевел рецепт.

Она привыкла к его кулинарным эскападам.

– Дорогая, – восклицал он где-то в половине третьего ночи, – не возражаешь ли ты против «омлета офинзерб»? Впрочем, если нет – могу предложить «яйца берси».

Нащокин обожал сыпать старыми названиями вполне привычных блюд. На деле выяснялось, что «омлет офинзерб» – это омлет с зеленью, а «яйца берси» – яичница с сосисками. Впрочем, любимым кушаньем самого Нащокина был «штуфат с макаронами», а попросту говоря – макароны с тушеным мясом.

В ночных посиделках принимали участие все домочадцы. И кошки, и Кубик вслед за хозяевами прибегали на кухню, усаживались, укладывались и так все вместе порой встречали рассвет.

В свободное от издательских хлопот время Светлана занималась садоводством. В начале весны она аккуратно, сверяя свои действия с множеством справочников и книг, высаживала рассаду и сеяла семена. Потом она вдруг решала, что надо все переделать, и чахлые саженцы менялись местами. К середине лета их участок напоминал колонию кротов – везде виделись свежие земляные холмики.

– Ты похожа на одного детского литературного героя, – Нащокин озадаченно взирал на разгромленную лужайку.

– Какого?

– Того, который посадил персиковую косточку, а потом выкапывал ее каждый день, чтобы посмотреть, не проросла ли она.

Светлана обижалась, но поделать с собой ничего не могла – каждый новый пример из садоводческой литературы толкал ее к экспериментам.

Все, кто видел Светлану в этот период, не могли не отметить, как она похорошела. От неуверенной, вечно «зажатой» и сомневающейся молодой женщины ничего не осталось. Светлана «расправила плечи», у нее появилась привычка громко хохотать и немного командный тон. Все подруги, бывавшие у них в гостях, заметили, что муж Светланы сама предупредительность.

– Миша, а ты не сделаешь нам чай? И принеси, пожалуйста, печенье.

Миша долго хлопотал на кухне, и через некоторое время перед остолбеневшими подругами появлялся вполне прилично сервированный поднос с чаем, печеньем и другими сладостями. Подруги в изумлении смотрели на крупного мужчину, который вопрошал:

– Светик, все нормально?

– Да, спасибо, замечательно, – бодро отвечала Светлана и как ни в чем не бывало продолжала беседу с подругой, тогда как муж бесшумно исчезал в недрах дома, словно хорошо вышколенная прислуга.

– Вот это да! – только и оставалось воскликнуть подругам.

Никто из них не знал, что в другой их жизни, настоящей, муж с женой меняются местами, причем по обоюдному согласию. Светлана «дрожала» над своим Мишей, не позволяя ему лишний раз встать. Она видела, чего стоит его работа, ценила и старалась сделать все ради комфорта мужа. Нащокину хватало мудрости и дипломатичности не замечать отрицательные свойства натуры жены.

В их семье муж-писатель не имел обыкновения зачитывать вслух отрывки из «неоконченного», не спрашивал мнения супруги о сюжетных линиях, не просил перепечатать или выправить уже написанные тексты. Он не называл ее своей музой и не срывал на ней свое раздражение, когда по той или иной причине стопорился творческий процесс. То, что он написал, Светлана могла прочесть только в уже изданной книжке или журнале. Она не только на это не обижалась, а считала это естественным и, пожалуй, единственно разумным вариантом сосуществования с творческой личностью. «До чего же смешны эти жены-соавторы! – восклицала она каждый раз, когда они возвращались с какого-нибудь светско-творческого мероприятия. Ей было неловко смотреть, как супруги вполне солидных писателей и поэтов стремились поправить или уточнить мужа, с лукавой и многозначительной улыбкой: «Уж вы-то понимаете, как тяжела эта участь, жены гения, да и гением бы он не был, кабы не я».

– Странно, что они их на помочах, как младенцев, не водят, – закатывала глаза Светлана.

Только однажды она задала вопрос, который ее мучил давно и на который мог дать ответ только человек творческий.

– Слушай, вот как ты это все сочиняешь? Как это появляется в твоем воображении?

Нащокин оторвался от какой-то книжки, которую он листал в глубокой задумчивости:

– Сам не знаю. Иногда мне кажется, что один раз мы уже жили и я просто пишу о том, что уже когда-то происходило. Ведь я пишу о том, чего сам никогда не видел, не читал и не испытывал, так откуда я это все знаю? Видимо, оттуда, из прошлой жизни. А если серьезно, я где-то читал, что творчество, в разных его ипостасях, импровизация, например, – это высшая степень свободы. Это такое состояние, которое не подлежит контролю, многие этого боятся, зажимают в себе способности. Ты знаешь, что такое джазовая импровизация?

– Я джаз не люблю.

– Не в этом дело. Речь о том, что джазовая импровизация отличный пример того, как свобода материализуется в творческие результаты. И это напрямую связано с психикой.

– Это каким же образом?

– Видишь ли, впервые с джазовой импровизацией выступил в Новом Орлеане Чарльз Болден. Это было в самом начале двадцатого века. Играл Чарльз виртуозно, тему мог развить

из трех нот. Только вся проблема в том, что он был психопатом в самом прямом смысле слова. На людей кидался. Он и помер-то в психбольнице. Так вот врачи считали, что его способности к импровизации обусловлены незнанием нотной грамоты и расстроенным рассудком. А потому он ноты основной темы расставлял, как ему заблагорассудится, неправильно. Но поскольку в каждом произведении существует своя определенная стройность – импровизация была неправильной копией самого музыкального произведения.

– Сложно как-то это. Сам придумал эту теорию?

– Да что ты – в Штатах целые институты работают над ответом на твой вопрос. Но, если честно, мне ближе всего определение, которое дал одни психиатр: «Творчество – это подконтрольный мне вид сумасшествия». По-моему, очень правильно.

Нащокин в глубине души был так благодарен ей за правильную позицию невмешательства в его творчество, что даже написал повесть о жене художника и посвятил ее Светлане.

– Ты даже не представляешь, как ты много для меня сделала, избавив от мелочной женской опеки.

Светлане были приятны эти слова.

Нащокин наедине с собой суеверно думал о том, что эта случайная встреча и разбитая бутылка шампанского сделали его не только счастливым мужчиной, но и счастливым творцом. Он, с детства мечтающий стать писателем, за всю свою жизнь не имел и двух часов свободного времени для творчества – все время зарабатывал деньги. И только с появлением Светланы Нащокин почувствовал себя полным идей, творческой свободы и куража. «Умница она у меня, – думал он, наблюдая из окна кабинета, как жена возится в саду, – но садовод из нее – никакой».

Самые лучшие минуты у четы Нащокиных случались тогда, когда Михаил Семенович заканчивал очередное произведение. Он выходил во двор, минут двадцать неуклюже бегал с Кубиком наперегонки, пытаясь вытащить из пасти собаки старый облезлый мяч. Потом усталый садился на крыльцо, а если дело происходило зимой, вваливался прямо в снежных валенках в гостиную и теребил Светлану:

– Собирайся, поедем куда-нибудь. Пообедать и покататься.

Светлана наряжалась, они обедали в ресторане, а потом садились и ехали куда глаза глядят. Они рассказывали друг другу истории, делились впечатлениями прошедших дней. В эти минуты они как бы обретали заново друг друга. В то время, когда Нащокин писал, он почти не обращал ни на что внимание, и теперь Светлане было приятно в деталях рассказывать ему домашние новости, делиться проблемами их фирмы, сплетничать о подружках. Так однажды за разговорами они не заметили, как доехали чуть ли не до самой Твери. Поворачивать назад было поздно, решили заночевать в жуткой местной гостинице, но были счастливы от этого приключения.

Когда близкая подруга Нина спрашивала: «Ну, как у вас в постели?» – Светлана задумывалась, а потом обескураживающе откровенно отвечала:

– Наверное, замечательно. Мне ведь не с чем сравнивать.

– Так у тебя и любовника нет? – в ужасе интересовалась подруга.

– Нет. Когда мне его заводить? А главное, зачем?

Светлана в силу своей сдержанности и смущения не могла рассказать Нинке, что удовольствие, которое она получает от близости с мужем, заставляет ее порой так стонать, что кошки прячутся на первом этаже, а Кубик встревоженно прыгает около двери их спальни.

– Ну, впусти своего охранника в спальню, – говорила она, отдышавшись, Нащокину, – а то ведь дверь сгрызет вместе с латунной ручкой.

На жену Михаил Семенович молился. Вся история их знакомства теперь обросла в его воспоминаниях деталями почти мистического значения.

– Ты несла шампанское. Я его разбил – это уже знак, – говорил он ей.

– Господи, Миша, да какой такой знак! Ты же бешеный становишься, когда не выходит по-твоему. Тебе Юлька отказалась выдать журналы, вот и разбил шампанское. Но ты быстро остываешь, поэтому и пришел извиняться.

– А то, что именно ты несла это шампанское? Могла бы эта твоя мымра пойти в магазин.

– Ну да. Конечно, могла и она, – соглашалась Светлана, а сама думала, что вот это как раз не случайность. Только такая безотказная дура, как она, всегда ходила в магазин.

О том, что произошло в их первую ночь, Нащокин никогда не говорил. Светлана была благодарна ему и, часто поймав его полный нежности взгляд, думала, что ей в жизни очень повезло. Знакомые, друзья, ее подруги и бывшие коллеги сошлись во мнении, что семья удалась на славу. Подруга Нина, понаблюдав как-то за ними в течение длинных выходных, заметила:

– Да, это счастье, когда муж настолько занят собой и своими делами. А то ведь и сами ни фига не делают, и другим жизни не дают.

Нина знала, о чем говорила – ее жизнь круто поменялась после развода с крайне несдержанным состоятельным мужем. Над ней и детьми висела угроза суда. Муж, следуя последней российской моде, пытался лишить ее родительских прав.

У Нащокина и Светы не получалось только с детьми. В чем или в ком была проблема, они выяснять не стали, решили, что пусть все идет, как идет, а там будет видно…

…В тот самый день Светлана ругалась в цехе с печатником Прокопенко:

– Светлана Леонидовна, пом там, пом сям, краска-то раскатывается так, – и Прокопенко делал широкий жест правой рукой, как будто бы сеял пшеницу.

– Дорогой Алексей Игнатьевич, дело не в том, как краска раскатывается. Причем она раскатывается вовсе не так, но это уже неважно. А дело в том, что оттенок зеленого не соответствует нашему фирменному цвету. Почему вы не заказали готовую краску? Ее бы замешали по понтону, привезли, а вы бы только вылили кипсейку.

Услышав от утонченной дамочки такие правильные полиграфические термины, Прокопенко лишь про себя пробурчал:

– Кипсейку даже знает, пом там, пом сям.

– Вы сэкономили, а в результате дороже вышло – тираж-то перепечатывать надо.

В разгар их спора в цехе появилась секретарь Тина.

– Светлана Леонидовна, вас там к телефону, городскому, очень срочно!

Светлана только отмахнулась, но Тина так отвела взгляд, что у Никольской забилось сердце, и, бросив Прокопенко вместе с загубленным тиражом, она помчалась наверх.

Звонили из Боткинской больницы, куда с сердечным приступом привезли Нащокина. Спасти его не удалось, и врач звонил, чтобы известить жену о происшедшем.

Пока она, поддерживаемая Тиной, ждала в приемном покое врача, пока оформлялись многочисленные бумаги, в ее голове была только одна идиотская мысль: «На поминки надо приготовить мясо под майонезом. Это легче всего и проще, когда соберется столько людей». Почему она думала о мясе, почему не пыталась запомнить каждую черточку любимого лица, почему не приходила в ужас от случившегося, пожалуй, не смог бы объяснить самый мудрый психоаналитик. Но факт остается фактом, в голове была одна мысль о мясе под майонезом. За этот рецепт она ухватилась как за сильнодействующее успокоительное. Чтобы не сойти с ума, чтобы не заорать во весь голос, чтобы не упасть здесь же, в больнице, на этот выложенный старой метлахской плиткой пол. Ей что-то говорила примчавшаяся в больницу Нина. Слова подруги проходили сквозь нее, не задевая ни мозг, ни душу. Светлана озиралась по сторонам, пытаясь ухватить взглядом корпуса больницы, прохожих, деревья, улицу, дома, но глаза тоже ничего не видели, как ничего не чувствовала замершая от растерянности душа. Чуть позже она увидела Пашку Соколова. Тот бежал от главных ворот больницы навстречу им с Ниной.

– Пашка, – только и смогла наконец произнести Светлана.

Пашка прижал ее к себе так, что ей стало больно, но в его объятиях она наконец обмякла и расплакалась.

Никакое мясо под майонезом никто, конечно, не готовил. И похороны, и поминки быстро и четко организовали Пашка и компаньон Нащокина. За Светланой все эти дни тенью следовали Нина и секретарь Тина.

Когда все закончилось, Пашка Соколов перевез ее к себе в дом. Его жена Люда, действительно как две капли воды похожая на саму Светлану, окружила ее заботой и вниманием.

– Паш, я поеду к себе. – Светлана каждый вечер произносила эти слова, молясь, чтобы он не отпустил ее. Она плохо себе представляла, что можно делать дома одной, без вечно стучащего по клавиатуре мужа. Без разбросанных листов бумаги со множеством пометок, без пустых чашек, которые Нащокин вечно оставлял на полу перед диваном. «Что теперь я буду делать? И что будет с Кубиком». – Светлане хотелось прижать к себе это колченогого пса, который даже не подозревал о кончине хозяина.

Пашка разрешил ей уехать только через две недели, когда стал уверен, что Светлана немного пришла в себя. Она сам ее отвез домой, заполнил продуктами холодильник, проверил отопление, запоры на окнах, погулял с Кубиком и, оставив на всякий случай все свои телефоны, уехал. Светлана прошлась по комнатам, посидела в кабинете мужа, зачем-то заглянула в кладовку и поняла, что делать она ничего не может. «Домашние дела подождут», – подумала она, и в этот момент раздался телефонный звонок.

– Да, я слушаю.

– Это Алина. Когда мы можем с вами встретиться?

Бывшая жена Нащокина на похоронах не присутствовала – не успела прилететь из-за границы. Дочка на кладбище приехала, но на поминках Светлана ее не видела.

– Мы можем встретиться с вами в любой момент, – Никольская понимала, что должна рассказать Алине о том, что произошло, чего бы это ей ни стоило. Бывшая жена, прожившая с ним много лет (и не столь уж важно, как они прожили эти годы и как расстались), мать его ребенка.

– Приезжайте сегодня, я дома. – Светлана продиктовала адрес и пошла на кухню готовить чай.

Алина приехала через два часа. Это была ухоженная женщина без возраста. Не двигающиеся из-за ботокса уголки глаз, капризно изогнутые губы. Одета Алина была подчеркнуто молодежно, пытаясь, видимо, тем самым сократить между ними очевидную разницу в возрасте.

– Здравствуйте, проходите, я чай приготовила. – Светлана усадила гостью в кресло и стала рассказывать о том, что произошло.

– Я все знаю, мне дочь рассказала. – Алина перебила Светлану. – Я хотела бы поговорить о наследстве. Вы же понимаете, Михаил Семенович издал много книг, вел свой бизнес, имел, видимо, какие-то сбережения. Мы с дочерью имеем полное право на часть этого имущества.

Светлана не удивилась, услышав все это. В глубине души она даже была к этому готова. Более того, несмотря на горе, она понимала, что после похорон надо будет в первую очередь решить вопрос с наследством. И что самое интересное, Светлана поймала себя на мысли, что ничего из того, что было достигнуто ее мужем за последние годы, она отдавать не собирается. «Никто из них даже не поинтересовался, как он живет, что делает, как себя чувствует. Не радовался его успехам, не поздравлял с достижениями. Они просто получали от него деньги. Я не хочу делиться с ними его, или, лучше сказать, нашими, успехами. Его бизнес – это был наш бизнес – и они его не получат».

– Что бы вы хотели? – Светлана выпрямилась в кресле и приготовилась слушать.

– Я навела справки, – Алина полезла в сумку и достала ежедневник.

Светлана усмехнулась: «Она не успела на похороны, но успела собрать информацию».

– Так, вот. Я понимаю, что дом и весь этот участок записан на вас, и куплены они, когда вы уже были в браке, поэтому претендовать на это имущество мы с дочерью не можем. А вот что касается бизнеса, издательской фирмы, то она была учреждена задолго до того, как вы познакомились с моим мужем. Уставной капитал, а также некоторые другие финансовые вложения им были сделаны в те годы, когда мы состояли с ним в официальном браке. Поэтому я думаю, что мы имеем полное право на часть этого бизнеса.

– А как вы себе представляете эту часть? – Светлана старалась не смотреть на Алину.

– Ну, это не так сложно подсчитать, а чтобы не было никаких технических проблем, лучше всего бизнес продать и причитающуюся долю выплатить нам с дочерью.

– А почему вы думаете, что я соглашусь продать бизнес, который мы с мужем с таким трудом подняли?

– Тогда просто заплатите нам, а потом делайте с этой фирмой, что хотите.

Светлана подошла к окну. Впервые за много дней она обратила внимание на погоду. Небо было такое, какое любил Нащокин – немного хмурое, подсвеченное солнцем, скрывавшимся где-то там, за серыми облаками. На ее такой неорганизованной лужайке бродили кошки. Кубик, положив морду на лапы, спал под машиной мужа. «Чувствует запах хозяина». Светлана вздохнула и повернулась к Алине:

– Я не буду вам ничего платить. Вы к этому бизнесу не имеете никакого отношения. Простите, я хотела бы, чтобы вы уехали.

Предчувствие одиночества, предчувствие тех дней, когда, привычно оглянувшись на дверь кабинета, она осознает, что не найдет там мужа, Кубика, приваливавшегося к его ногам, исписанные листы, ворох бумажных закладок и кучу флэшек на столе, заставило Светлану сожалеть о том, что ей не дано так просто и так убедительно, как получалось у Нащокина, выразить на бумаге свои ощущения. Она, пытаясь облегчить боль, села было писать дневник. Но, прочитав на следующий день свои строчки, разозлилась – все было пошло и не передавало ее чувств. А испытывала она прежде всего гнев. Гнев был наивен – она кляла про себя стремление человека совершать подвиги, которые были лишь, как ей сейчас казалось, удовлетворением тщеславия и амбиций, вместо того чтобы любой ценой научиться делать необходимое. Например, научиться спасать людей. Она была не права, и она это знала.

Уход мужа, с которым она в тот день утром, убегая на работу, даже не успела попрощаться, сделал ее виноватой во всех тех мелочных ссорах, которые когда-то случились между ними. Его преждевременная смерть превратила его в самого благородного, самого умного и самого любящего мужа на земле.

Мать и отец Светланы, не обладавшие «родственной железой» и никогда особо не проявлявшие внимания к семье дочери, после кончины Нащокина предложили ей переехать к ним.

– Бросай все. Тебе там будет тяжело. Сдай дом. И деньги будут, и одна сидеть в четырех стенах не будешь, – мать с жалостью смотрела на дочь. Но кроме жалости, Светлана в ее глазах увидела усталость и равнодушие старости. Родители за последние годы сильно сдали. На отца смерть зятя, к которому он так иронично относился до сих пор, произвела тяжелое впечатление.

– Другого такого не найдешь, – как всегда резко, сказал он, – а на финтифлюшек не разменивайся.

– Папа, о чем ты? Похороны были две недели назад. – Светлана вскинулась на отца.

– Ну и что. Это у людей траур, а у жизни его нет. Как нет радости.

– А что же у жизни есть?

– Время, – не очень понятно ответил отец.

Через месяц Светлана сидела в своем кабинете и разбирала бухгалтерские документы. За время ее отсутствия ничего ужасного не произошло, убытков не было. Пока она прихо-

дила в себя, новые заказы выполнялись и сдавались в срок, нареканий со стороны клиентов не поступало. Светлану сейчас не очень волновали дела текущие, ее заботил кредит, который она оформила незадолго до смерти мужа. Кредит был целевой – она купила в цех новое оборудование для сувенирной продукции. На старой машине, которую давным-давно приобрели Нащокин с компаньоном, кроме журнала, печатали какие-то эзотерические брошюры и тонкие книжки начинающих поэтов. И то и другое, частично не востребованное, хранилось под лестницей первого этажа. Хозяйственный печатник Прокопенко исправно таскал оттуда книги для растопки дачной печки.

– Дай бог им всем здоровья, пом там, пом сям! Бумага у финнов хорошая, не то что у наших, краснокамских.

Светлана помнила, что, перед тем как поехать в банк, она долго разговаривала с мужем. Риск был велик – они еще не до конца отдали кредит за дом. Над расчетами Светлана просидела не один день, а когда показала их мужу, он только отмахнулся:

– Знаешь, я уверен, что ты все правильно делаешь. Смотри, как у нас контора заработала. И журнал ты, молодец, сделала доходным. Рекламу несут и несут.

Что правда, то правда. Из тонкого, малоинтересного узкоспециального журнала для филологов, преподавателей словесности и издателей журнал превратился в солидное, красочное, очень требовательное к авторам издание. К сотрудничеству Светлана привлекла известных писателей и поэтов, литературоведов и даже зарубежных авторов. Стоило одному из них опубликовать статью, как тут же подтянулись другие. Никто не хотел упускать возможность высказаться по тому или иному поводу. Светлана на достигнутом не остановилась – она устраивала литературные вечера, конкурсы, концерты. Каждый номер стал событием – Никольская старалась, чтобы вопросы на страницах журнала обсуждались острые, а люди, участвующие в обсуждении, – умели ярко полемизировать. Благодаря всему этому рекламодатели охотно раскупали журнальные полосы. Издание не только окупило себя, но и приносило небольшой доход.

Убедившись, что журнальный механизм сбоев не дает, Светлана стала думать, что можно еще делать на их полиграфической базе. Понятно, что привлечь клиентов для печати серьезной, высококачественной продукции с одной машиной – задача практически невыполнимая. Уповать только на журнал было рискованно. И тогда Светлана решилась на отчаянный поступок. Она пригласила молодых дизайнеров, проконсультировалась с ними и объявила мужу, что хочет выпускать подарочную полиграфию. Конверты, открытки, специальные пакеты, просто рулоны яркой бумаги – все это не требовало больших и мощных машин. Эскизы разработали приглашенные дизайнеры, продукцию отдавали на реализацию в книжные, сувенирные магазины. Самое любопытное, что в конце концов к Светлане обратился глава компании, который постоянно теперь печатал свою рекламу у них в журнале, и попросил разработать эксклюзивный рисунок для их упаковки. Компания занималась производством канцелярских товаров и была заинтересована в том, чтобы продукция в ее фирменных магазинах упаковывалась в фирменную бумагу. Светлана выполнила заказ, и с этого момента новое направление вдруг стало приоритетным – от клиентов не было отбоя. И вот настал момент, когда остро встал вопрос о покупке нового оборудования.

В банк Светлана поехала одна. Она взяла все необходимые документы, отчеты за прошлые годы, образцы продукции. В отделе кредитования все это посмотрели и… отказали. Сослались на то, что подобная продукция будет иметь ограниченный спрос и в необходимые сроки деньги их компания вернуть не сможет. Залог в виде печатного оборудования банк тоже не вдохновил.

– Оборудование у вас старое, в случае банкротства вы, или мы, не сможете его продать по адекватной цене.

Светлана приехала домой и часа три отсиживалась в спальне. Пожаловаться ей было некому – Нащокин «утонул» в своем творчестве и не отвлекался даже на обед. Подумав и взвесив все «за» и «против», Светлана решительно постучала в дверь кабинета. Кроме рычания, которое издал из-за двери Кубик, она ничего не услышала. Толкнув дверь, она увидела мужа, уютно храпевшего на большом кожаном диване. В ногах спал Кубик. «Вот и отлично! Поймался – будет сговорчив!» – подумала Света и приступила к разговору.

Через неделю Никольская опять сидела в банке, на этот раз с документами на все машины, которыми владела семья Нащокиных. Машины были новые, дорогие, а потому кредит одобрили.

– А что мы будем делать, если у тебя ничего не получится? – спросил Нащокин на следующий день.

– Ходить пешком, – решительно ответила Светлана.

Оборудование она покупала долго, почти три месяца. Светлана придирчиво выбирала фирму, потом сами станки. Ей хотелось стать главной на этом рынке. Всякие хитрые штучки, вроде специальных резиновых печаток для заклеивания конвертов с нанесенными фамилиями владельца, фамильные конверты, упаковочная бумага, конфетные фантики с фотографией заказчика, все это и многое другое пока на российском рынке встречалось нечасто. Наконец оборудование было куплено. Еще через два месяца все привезли и наладили. Светлана тем временем занялась подбором кадров.

С проблемой сотрудников она столкнулась, как только пришла в фирму мужа директором. Привыкшие, что хозяин бывает в конторе нечасто, предыдущий директор, вместе с ним и остальные приезжали на работу не раньше одиннадцати часов, уезжали, когда требовали их личные дела. Бухгалтер, та и вовсе устроила себе свободное посещение. Обнаружив это, Светлана не стала никого увольнять, а очень быстро постаралась «замкнуть» все процессы на себя. Нащокин это сначала понял по-своему:

– Ты зря все на себя взваливаешь. В конце концов сама будешь за все отвечать, а они будут в потолок поплевывать.

Но Светлана знала, что делает. Все это она предприняла с одной лишь целью – понять, где слабые места и какие возможны нарушения на каждом из «узлов». И еще ей не хотелось полагаться на чужое мнение. Ей, для грамотного руководства, было необходимо знать все детали этого бизнеса.

Коллектив забеспокоился. Становилось ясно, что, во-первых, без каждого из них новый директор прекрасно обойдется. Во-вторых, каждому она быстро может найти замену – никаких тайн технологического процесса для нее уже не существовало. А в-третьих, практически никаких лазеек для мелкой недобросовестности или, не дай бог, воровства не осталось. Директор постаралась сделать всю работу абсолютно «прозрачной».

– Ну, и где теперь здесь удовольствие, пом там, пом сям? – высказался в курилке на этот счет печатник Прокопенко.

Всех, кто до ее появления работал над журналом, Светлана оставила в конторе. Правда, предварительно побеседовала с каждым наедине и выяснила, чем недоволен сотрудник. Учтя все детали, она принялась набирать людей для производства сувенирной продукции.

На момент запуска новой линии в фирме Светланы и Нащокина работало уже почти тридцать восемь человек и еще с десяток сотрудников по трудовым соглашениям. Организационный костяк состоял из самой Светланы, коммерческого директора Варвары Николаевны, менеджеров по работе с клиентами Тани, Лены и Андрея, заведующего производством Малова и бухгалтера Таисии Ивановны. Тина – секретарь Светланы – была надежна, как английский замок. Прежде чем соединить звонящего с нужным ему сотрудником, она вынимала из него душу.

Производство необычной сувенирной продукции оказалось находкой. Глава одного из московских банков, получивший по случаю какого-то корпоративного праздника шоколад в обертке, на которой сияла его собственная улыбка, пришел в детский восторг. Последовали заказы на шампанское, на этикетках которого стояло не «Советское», а, например, «Шампанское Калибр». Это был новогодний заказ производственного объединения для собственных сотрудников. Поначалу Светлана, боясь потерять немногочисленных клиентов, цены высоко на продукцию не поднимала, ей было важно привлечь клиентов. Потом, когда поняла, что на рынке они о себе заявили, осмелела, и теперь ее продукция, особенно эксклюзивная, стоила весьма прилично. Они начали выплачивать кредит.

Светлана в конце месяца садилась подсчитывать, сколько надо еще погашать, и от этого занятия у нее портилось настроение. Нащокин в этот момент предпочитал не показываться ей на глаза. Спасало его, а заодно и Кубика то, что Светлана обладала счастливым для окружения свойством – раздражение она в себе не носила, а выплескивала тотчас, на всех, не церемонясь. А выплеснув, становилась опять кроткой.

– Ты не женщина, ты – Янус двуликий, – говорил ей Нащокин, собирая с пола разбросанные ею в гневе листочки с подсчетами. Светлана тем временем сидела за столом и приговаривала:

– Миша, да брось, я сама все уберу. Иди, тебе писать надо…

– Ты думала, что я работаю, когда метала тут все со стола? – Нащокин с удовольствием поддерживал у Светланы комплекс вины. – Ты же знаешь, что от малейшего шума я теряю мысль.

– Ладно, ладно, – вскакивала со своего места жена, – иди работай, я больше не буду.

Через месяц все повторялось вновь.

Нащокин к деятельности жены в фирме относился не только уважительно, он искренне считал, что только благодаря ей фирма и его детище, журнал, остались на плаву. Более того, теперь в связи с возрождением журнала внимание к Михаилу Семеновичу как издателю и как писателю не ослабевало.

– Умеешь ты тему найти! – восхищенно говорил он жене после выхода очередного номера с громкой публикацией. Что характерно, имени Светланы в выходных данных не стояло. Сам Нащокин при этом значился издателем, главным редактором и частенько автором статей, которые Светлана у него «выцыганивала» для публикации.

– Это прямо какой-то «культ личности», – возмущался Михаил Семенович, но по глазам его Светлана видела, что он польщен.

Вообще, муж у нее был очень тщеславен. Но это тщеславие так по-детски проявлялось, что из недостатка превратилось в забавную, а подчас и комическую особенность его характера.

Теперь, посидев растерянно над бумагами, Светлана поняла, что она боялась совсем не того, чего надо было бояться. Подумаешь, кредит! Так или иначе, это всегда можно решить. «И решу! И ни копейки не отдам Алине!» – Светлана в глубине души винила в болезни Нащокина именно ее. Она вспоминала рассказы о том, как муж был вынужден работать в двух редакциях, внештатно сотрудничал в нескольких журналах и еще писал сценарии, за которые в те времена платили копейки. «Алина тянула деньги, заставляя браться за любую работу. А это не только силы, это еще и нервы. Он терпеть не мог эту всю халтуру.

Коллектив, особенно те, кто составлял ядро компании, поддержали ее в эти дни. Они не очень хорошо знали Нащокина, но успели узнать ее. Светлана была строгим, но вполне справедливым руководителем – деньги она платила хорошие, не цеплялась по пустякам и всегда находила возможность поблагодарить за работу. Люди, которые остались с ней работать, все это ценили.

– Ну, она баба не злая, хотя и глазастая, пом там, пом сям, – даже печатник Прокопенко, к которому у Светланы было много претензий, отдавал ей должное.

Сейчас, спустя месяц, Светлана отучала себя думать и вспоминать. Она просыпалась, но не лежала в постели, а сразу поднималась, принимала душ, почти не завтракала, садилась в машину и ехала на работу.

Подчиненные Никольской уловили ее настрой и старались отвлечь ее заботами производства. Особенно помогли ей Варвара Николаевна и Тина. Тина училась в каком-то коммерческом вузе, совершенно бесперспективном в смысле дальнейшего трудоустройства, а потому потихоньку, кроме секретарских обязанностей, пыталась выполнять функции менеджера. У нее это получалось – она была вдумчива и крайне пунктуальна. Светлана, помня, как Тина поддержала ее в тот страшный день, испытывала к девушке и благодарность, и какую-то почти родственную симпатию.

Проблемы начались неожиданно и при обстоятельствах, которые можно было назвать рутинными – бухгалтер Таисия Ивановна принимала предоплату от заказчика. До этого заказчик, молодой человек в дорогом плаще и не менее дорогих костюме и туфлях, час провел с Тиной, которая ему очень подробно рассказала о сувенирной продукции. Убедив его выбрать оберточную бумагу с его факсимиле и портретом, она проводила молодого человека к Светлане.

– Светлана Леонидовна, познакомьтесь, Сергей Владимирович. Он хотел бы у нас заказать к Новому году бумагу.

Светлана любезно предложила заказчику присесть, и еще один час Сергей Владимирович провел у нее в кабинете. Затем с договором в руках он проследовал в кассу, чтобы внести небольшую предоплату по договору. Таисия Ивановна, лучезарно улыбаясь, приняла деньги и стала не спеша искать приходные ордера. Видимо, это промедление и не совсем положенный порядок действий и сыграли свою роковую роль. Молодой человек неожиданно достал удостоверение:

– Служба экономической безопасности. Проверка, прошу не отлучаться со своих рабочих мест и ничего не трогать на столах. Звонки с городских и мобильных телефонов запрещены.

Потом он позвонил по телефону и, невзирая на громкие протесты Тины, которая всегда первая встречала посетителей, в офис зашло еще несколько человек.

Светлана сначала в недоумении взирала на пунцовую Таисию Ивановну, потом на невозмутимые лица гостей, а затем произнесла:

– Для подобного шага нужны очень веские основания.

– Не волнуйтесь, они у нас будут, – молодой человек в дорогой одежде был холодно вежлив.

Светлана жестом успокоила сотрудников – мол, пусть проверяют, сохраняем спокойствие, у нас все в порядке и никаких нарушений нет.

Проверяющие рассредоточились по офису и стали копаться в столах, шкафах и компьютерах. В разгар этого действа из подвала, где располагался цех, поднялся печатник Прокопенко:

– Светлана Леонидовна! А что там за «перец» у меня в кипсейке с краской бриллианты ищет? А меня послали к вам, сказали, чтобы не мешал им работать.

От удивления Прокопенко забыл даже свое любимое присловье. А Светлана не смогла сдержать улыбки – печатник своим занудством мог достать кого угодно, даже РУБОП. Больше всего Светлане было жаль Таисию Ивановну. Абсолютно точно та ничего нарушить не могла. В любом случае эта проверка бы состоялась. На случайность это не похоже.

Через четыре часа тот самый молодой человек, который так трогательно выбирал бумагу со своей улыбкой, сидел напротив Светланы в ее кабинете.

– Значит, так, Светлана Леонидовна, мы сейчас же можем закрыть вашу типографию. Нарушение одно зафиксированное есть, а если подольше поищем, найдем что-нибудь другое. Штраф и прочие удовольствия гарантированы.

Светлана молча смотрела на говорящего. Он так же внимательно, со значением, смотрел на нее. Пауза, которая, как известно, должна быть настолько долгая, насколько ты сможешь ее держать, начинала собеседника выводить из себя. Судя по его поведению, он привык, что люди в такой ситуации нервничают, а оттого говорят и предлагают что-то сами. Но Светлана спокойно ждала продолжения. Поняв, что собеседница не собирается ничего предпринимать, Сергей Владимирович тихо добавил:

– Вы не боитесь, если мы у вас найдем что-нибудь, что совсем изменит вашу судьбу?

– Не боюсь. Потому что у меня ничего противозаконного не хранится. Поэтому и не боюсь.

– А зря, если хорошо искать, «найдется все», простите за цитату. Одним словом, у меня нет времени долго здесь с вами сидеть, а потому слушайте. Если не искать нарушения в вашей работе – это три миллиона рублей, а если искать, то значительно больше. До завтра у вас есть время подумать, до послезавтра – найти деньги.

Молодой человек вышел из кабинета, и вскоре вся компания покинула типографию. После их ухода Тина стремглав понеслась в туалет, а Таисия Ивановна, державшаяся до сих пор, разразилась слезами.

– Да перестаньте вы, ничего не случилось, – успокаивала ее Светлана, – вы все правильно сделали, это обычный «наезд». Проблему эту мы решим, не волнуйтесь. Светлана совершенно отчетливо видела, что сегодняшние посетители ничего особенно и не искали. Они не сверяли бумажные накладные, не очень внимательно посмотрели бухгалтерию. И совсем не посмотрели личные дела сотрудников. Во всех фирмах, особенно производственных, это было самым «узким местом». Директора предпочитали нанимать дешевую рабочую силу – эмигрантов, не оформлять их официально и платить наличными, без документов. Светлана сразу же отказалась от подобной практики – на каждого сотрудника у нее была заведена папка, где помимо всего прочего была фотография. Таким образом, в использовании незаконной рабочей силы ее обвинить не могли. В том, что это была «заказанная» проверка, не было никаких сомнений еще и потому, что проверяющие отлично знали, сколько надо просить. Сумму, названную Сергеем Владимировичем, она уже недавно слышала. Это могло быть и совпадением, но проверить не мешало.

Светлана, как человек, прочитавший немало детективов, делать звонков из кабинета не стала, а послала Тину за новой симкой для телефона и только уж потом, выйдя на улицу, набрала телефон Пашки Соколова. Он, испугавшись ее встревоженного голоса, собрался сию минуту ехать к ней, но Светлана его остановила:

– Паш, до вечера подождет. А вечером я тебе все объясню.

– С тобой все в порядке? – еще несколько раз спросил Пашка и, получив несколько утвердительных ответов, наконец успокоился.

Они договорились встретиться вечером в кафе неподалеку от Белорусского вокзала. Впервые после смерти Нащокина Светлана была в кафе, среди людей, в шуме приветствий, разговоров, той человеческой суеты, на которую иногда так интересно смотреть. И сейчас Светлана, которую не покидали мысли о сегодняшнем событии, с давно забытым любопытством наблюдала за окружающими. Люди, оказывается, продолжают жить, любить, встречаться, ссориться. Это у нее все изменилось и уже никогда не будет так, как прежде.

Соколов подкрался незаметно. Это была его обычная манера. Еще он очень любил пугать ее, выскакивая из-за спины. Сейчас в кафе он по привычке хотел так сделать, но, увидев ее немного потерянный взгляд, передумал, просто подошел, поцеловал в щеку и сел напротив.

– Давай поужинаем, – сказал Пашка, подзывая официанта.

Светлана улыбнулась – Соколов обожал ее кормить. Даже когда в нее уже ничего не могло влезть, он настойчиво предлагал еще один десерт.

– Спасибо, я не хочу. – Светлана отрицательно помотала головой.

– Хоть немного, хоть что-нибудь, а то я голодный, но, если ты не будешь есть, мне придется довольствоваться кофе. Это немилосердно, сама понимаешь.

Светлана собралась уже было поспорить, но, вспомнив, что Пашку в этом смысле одолеть нельзя, махнула рукой.

– Значит, так… – вдохновенно произнес Соколов, обращаясь к официанту. Официант уже понял, что заказ будет большим, а потому ясно улыбнулся.

Где-то между салатом по-узбекски и бараниной на косточке Пашка перестал слушать, поскольку ему и так все стало ясно.

– Давай в суд подадим? А? За вымогательство. А можно прямо сейчас сообщить в собственную безопасность и предупредить, что ребята за деньгами придут. Это так элементарно, что не советую тебе даже заморачиваться. Деньги наличные я тебе дам, только завтра надо будет в банк заехать, заказать их.

– Паш, здесь дело и сложнее, и проще. Ведь они не сами по себе пришли – их прислали ко мне. И я даже подозреваю, кто это сделал.

– Я знаю, ты подозреваешь его бывшую жену. Но я тут с тобой не согласен. Мне кажется, что ребята пришли, потому что ты осталась без поддержки.

– Нет, это ее рук дело. Во-первых, я еще от Нащокина знаю, что она всегда имела друзей из этой среды и обожала «пробивать» своих знакомых. Такое, знаешь ли, неуемное любопытство. У нее какой-то приятель в отделе работал, так вот он ей информацию и поставлял. Понимаешь, если я сейчас не выиграю, если сейчас не дам ей понять, что она ничего не получит, поскольку ничего для компании не сделала, то это не закончится никогда. Она меня будет «доить», а девушка она ненасытная.

Пашка в глубине души соглашался с ней. Но ему не хотелось ее беспокоить лишний раз, и он считал, что Светлана не выдержит этой борьбы.

– Не бойся, я уже немного пришла в себя и вполне справлюсь с ситуацией, – она как будто читала его мысли, – но твоя помощь понадобится все равно.

Даже если бы она этого не сказала, Соколов бы ей помог. Они еще немного обсудили детали, и Пашка отвез ее домой.

По дороге он, искоса поглядывая на нее, спросил:

– Ты как там одна? Может, поживешь у нас?

– Нет, спасибо, я вовсе не одна. Приходит Лена помочь по хозяйству, коты, собака. Соседи навещают.

Действительно, как-то так получалось, что каждый вечер обязательно кто-то к ней приходил. Был ли это сговор знакомых и соседей или так получалось нечаянно, но одну ее не оставляли. Правда, долго она общаться не могла. Ей хотелось уединиться в самом дальнем углу дома и, лежа на диване, вспоминать все, что она пережила с Нащокиным. Люди понимали это ее неприкрытое стремление к одиночеству, надолго не задерживались, уходили, как только осознавали, что ей помощь не нужна. Сейчас она была благодарна Соколову за внимание и заботу. Что за этим стояло, она старалась не думать, но радовало то, что двое мужчин в ее жизни оказались очень порядочными и добрыми.

– Спасибо, – еще раз повторила она, – приезжайте вы ко мне. Погуляем немного, чаю попьем, – она сказала и испугалась, что Пашка поймет ее буквально и они с женой приедут к ней чуть ли не завтра. Но Соколов все понял правильно.

– Обязательно, но только чуть позже. Еще должно время пройти, а там, там видно будет.

Светлана благодарно улыбнулась. Пашка был понятливым и очень внимательным человеком.

Но тем не менее случившееся каким-то странным образом подействовало на Светлану. Войдя в дом, она внимательно посмотрела вокруг. «Так, надо наконец разобрать Мишины вещи. И вообще, привести все в порядок. Хватит, не думаю, что Нащокин был бы доволен этим

запустением. Да Кубик совсем понурый стал», – она посмотрела на собаку, которая сидела, привалившись к стене, и неуверенно смотрела на хозяйку. «Может, по лужайке побегаем?» – Светлане показалось, что именно это сказал ей Кубик.

– Пойдем быстро, и мячик бери.

Кубик понял все правильно. Схватив любимый резиновый огрызок, он мигом скатился по лестнице и, выскочив во двор, принялся нарезать круги. Светлана сначала стояла и смотрела, потом как-то неловко подпрыгнула, попыталась отнять у него мяч и наконец с громким возгласом погналась за собакой. Коты с шекспировскими именами взирали на эту несдержанность с недоумением и осуждением.

Алине Светлана позвонила поздно вечером.

– Алина, здравствуйте. Вы когда-то хотели со мной поговорить. Я тогда себя очень плохо чувствовала и, наверное, обидела вас своим отказом. Давайте забудем тот разговор и постараемся еще раз все обсудить.

С другого конца провода повеяло счастливым злорадством.

– Я почему-то знала, что вы позвоните.

– Я же сказала, что тогда мне сложно было что-либо обсуждать, Алина, – Светлана добавила в голос мягкости. – Приезжайте завтра, я вам кое-что уже смогу отдать.

– Отлично, адрес я знаю, буду к двум часам.

«Вот именно, что «отлично»!» – Светлана стала готовиться к завтрашнему дню.

Ровно в два часа дня к офису подъехал джип, из которого вышла Алина. Проходя мимо вежливой Тины, она победно улыбнулась. В дверях кабинета ее встретила Светлана.

– Проходите, – Светлана посторонилась, пропуская Алину, и заперла дверь на ключ. Потом она из сейфа достала небольшую сумку.

– Вот, здесь почти три миллиона. Не хватает совсем немного. Это то, что я смогу вам дать сейчас.

– Очень хорошо, – Алина достала сигареты, – у вас можно курить?

– Да, конечно. Может, вы хотите кофе?

– Не откажусь.

Пока Светлана разговаривала с Тиной, Алина внимательно осмотрела кабинет.

– Вы здесь не шикуете. Все по-рабочему.

– Так мы здесь и работаем.

– Понятно. Кстати, относительно работы, когда от вас ждать следующей весточки? – Алина выразительно посмотрела на сумку.

– Давайте я вам позвоню. Сейчас сложно что-либо прогнозировать.

– Позвоните, – Алина погасила сигарету, встала и, прихватив сумку, направилась к двери. Уже взявшись за ручку двери, она спросила: – Светлана, я надеюсь, что мы с вами больше ссориться не будем. Иначе такими проверками, которая у вас была вчера, вас замучают. Вы меня поняли? Покойный Нащокин вам, наверное, говорил, что у меня очень неплохие знакомства и лучше мне не переходить дорогу?

– Что-то я такое слышала, но не придала этому значения.

– А теперь, я надеюсь, убедились в этом? Или требуются еще доказательства? УБОП не дремлет.

Когда за Алиной захлопнулась дверь, Светлана с облегчением вздохнула: «Теперь надо набраться терпения и ждать».

Ждать пришлось недолго. Алина позвонила очень скоро и голосом, не терпящем возражения, произнесла:

– Света, я тут буду неподалеку от вашего офиса, зайду к вам по нашему вопросу.

– Алина, я не совсем готова его обсуждать. Времени ведь прошло немного. Но в любом случае заходите, буду вас ждать.

Алина приехала так же в два часа, так же не здороваясь с Тиной, прошла в кабинет к Светлане.

– Вам удалось что-нибудь сделать?

– Нет, Алина, к сожалению, нет. И боюсь, в ближайшие пару месяцев ничего не получится.

– Света, вы меня удивляете, вам как будто проблем не хватает.

– Я вас не очень понимаю.

– Жаль. Придется опять к вам проверку направить, – Алина с улыбкой смотрела на Светлану. – Прошлого раза было мало. Или все быстро забылось?

– Не придется. Потому что этот наш с вами разговор, как и предыдущий, когда вы получили от нас деньги, мы записали на видео. Если вы осмелитесь еще раз меня шантажировать, я этим записям дам ход. Более того, не советую даже начинать судиться с нами из-за имущества Нащокина. В этом случае я тоже представлю эти пленки. А теперь можно с вами попрощаться?

Светлана вышла из-за стола, открыла дверь и посмотрела на Алину. Поверженная соперница ретировалась из офиса. По улыбающимся лицам сотрудников Алина поняла, что все в курсе того, что произошло.

– Мы победили! – Светлана звонила Соколову. – Если бы не твои ребята и не твоя камера, ничего бы не получилось. А так… Я думаю, что мы ее больше не увидим.

– Поздравляю. Считай, что ты сейчас полновластная хозяйка. Довольна?

– Очень, спасибо тебе. – Светлана впервые за долгое время была рада. Она отстояла их с Нащокиным дело. Теперь оставалось только идти вперед.

В этот день она приехала домой рано. Вместо того чтобы по сложившейся привычке быстро поужинать и забиться в угол дивана, листать, не читая, книгу и нетерпеливо поглядывать на часы в ожидании часа, когда можно будет идти спать, она долго и основательно погуляла с Кубиком. Когда же наконец у него замерзли короткие лапы и он уселся на крыльце, она вернулась в дом, неторопливо разделась и пошла по комнатам. Она только теперь поняла, что многие вещи лежат на тех же самых местах, что и в день смерти мужа. Его вещи, брошенные в гардеробной, папка с бумагами, оставленная в углу большого кресла, мелочи, которые сопровождают человека всю жизнь, такие незаметные, когда ими пользуются, и так бросающиеся в глаза, когда владелец внезапно исчезает. Светлана зашла в кабинет мужа. Ворох бумаг на столе, компьютер с пыльным экраном, стопка книг на полу у кожаного дивана и дорожные атласы. Светлана взяла один из них. Открыв заложенную цветным листочком страницу, она увидела тонкие линии, подчеркнутые карандашом. Против городов стояли даты. Она присмотрелась к его пометкам и поняла, что это Нащокин составлял маршрут их поездки – в ближайший отпуск они планировали поехать на машине во Францию. Светлана внимательно посмотрела на линии, проведенные его рукой. «Как странно, что мы, люди, вообще что-то смеем планировать, – она прижала к себе атлас. – Я поеду во Францию и проеду этим маршрутом».

Она забралась с ногами на кожаный диван. Тут же прибежал Кубик, который внимательно все обнюхал, а потом деликатно, стараясь не задеть Светлану, улегся у ее ног. Светлана обвела взглядом книжные полки, среди которых выделялась одна с абсолютно новыми корешками. Это были изданные книги Нащокина. Светлана подумала, что у них была необычная семья – такой своеобразный «парад суверенитетов». Им хватило ума и чувства оставить друг друга в покое, не претендовать на личное время, на поступки, не стать цензором мыслей и убеждений. Некоторая доброжелательная отстраненность друг от друга обернулась не только сохранением чувств, но и мощным личным ростом, отчего, в свою очередь, дружеские связи между ними крепли. Они всегда оставались интересны друг другу. Осторожно, чтобы не потревожить Кубика, Светлана встала с дивана и вышла из кабинета.

На втором этаже она открыла шкафы, в которых хранилась одежда. Здесь стоял запах дубовых листьев. Нащокин не признавал никаких средств против моли, кроме высушенных дубовых венков.

– Я тебя прошу, не сыпь ты эту детскую присыпку на полки, это абсолютно бесполезная вещь!

– Это не присыпка, а специальное средство. – Светлана каждый раз делала по-своему. Но Михаил Семенович выбрасывал все средства и снова водружал свои венки. Ветки для них он срезал с большого дуба, что рос у калитки, потом сам долго плел и сушил. Светлана так и не поняла, дело было в дубовых листьях или просто в их доме не водились насекомые. «Это все надо убрать», – Светлана посмотрела на костюмы мужа.

Через час она, переодевшись в джинсы и рубаху, сложила одежду в большие ящики. Совершенно спокойно, словно готовилась к смене сезона и убирала зимние вещи в большую гардеробную на третий этаж.

«Костюмы и рубашки я отнесу бездомным. Обувь – туда же. А мелочь сложу в большой кожаный сундук, который мы купили на блошином рынке», – решила Светлана.

Так прошла ночь. Утром она отвезла все в церковь, потом заехала на кладбище к мужу, постояла там немного и вернулась домой. Так Светлана открыла дверь в другую жизнь.

Организационный комитет литературной премии «Мастер» заседал уже второй час. Номинантов из лонг-листа и шорт-листа изучили «под микроскопом». Члены жюри уже раза два переругались и дважды сошлись во мнении, что литература сегодня переживает невиданный подъем и именно потому им так тяжело определить победителей. Действительно, участников конкурса было много, все заслуживали награды. Премию «Мастер» присуждали обычно писателю или поэту, ярко дебютировавшему в зрелом возрасте. Злые языки называли эту номинацию «премией пенсионеров». Впрочем, так шутили обычно вполголоса, чтобы, не дай бог, не услышала учредитель премии Светлана Никольская. Те же злые языки дали Никольской прозвище Акула за коммерческую хватку и умение привлечь известных и очень богатых спонсоров.

Впервые услышав за спиной это «Акула», Светлана только улыбнулась. Когда-то давно в библиотеке ее называли Стерлядь. Похоже, она растет.

Сейчас, пять лет спустя после смерти мужа, Светлана могла с гордостью сказать, что она выросла. И этот рост был таким стремительным, что многие из ее окружения не могли поверить, что все это только ее заслуга.

– Светка, скажи честно, ты любовница олигарха? Да? – спрашивала Нинка, превратившаяся из изящной молодой женщины в плотную дамочку.

– Нина, что за дискриминация по половому признаку? Ты серьезно считаешь, что женщина не может достичь успеха сама, без помощи богатого мужа?

– Да, я так считаю. Только хочу уточнить. Я считаю, что женщина без мужчины вряд ли достигнет серьезных высот.

– Хорошо, а я? Ты же знаешь, что мне никто не помогает.

– Ты? Тебе старт дал Нащокин. А это уже полдела. – Нина, улыбаясь, смотрела на подругу.

Светлана соглашалась.

Она была благодарна Нащокину и вспоминала его каждый раз, когда преодолевала очередной барьер. «Нет ничего лучше такой памяти об умершем муже», – думала обычно Светлана. И признавалась себе, что ее превращению в деловую женщину, просчитывающую моментально все вероятные плюсы и минусы той или иной сделки, умеющую найти при необходимости общий язык даже с врагом, способствовал характер покойного мужа.

Светлане было чем гордиться. За эти пять лет она построила маленькую империю. Кроме типографии и цеха сувенирной продукции Никольская открыла два магазина – книжный и

магазин подарков. Погасив все кредиты, она опять пошла в банк за финансированием, на этот раз ей понадобилось оборудование для упаковки. Изначально потребность возникла у нее самой – надо было куда-то складывать сувенирную продукцию. Хотелось красивой и нестандартной упаковки. Простая арифметика показала, что выгоднее производить самим, чем постоянно покупать на стороне. А имея мощное оборудование, можно на этом еще и зарабатывать. Светлана несколько раз проверила свои расчеты, посоветовалась с Варварой Николаевной и Тиной, которая стала директором по маркетингу, и, взяв кредит, купила установку.

Первое время казалось, что в бизнес-план вкралась ошибка.

– Светлана Леонидовна, может, пока не поздно в аренду сдадим машины? – осторожно спросила Тина, сидящая над расчетами и не вылезавшая из своего кабинета.

– А что, есть желающие? – Никольская сама удивлялась такой полосе неудач в хорошо, как казалось, просчитанном проекте.

– Я навела справки, позвонила знакомым. В принципе, можно сдать, чтобы хотя бы кредит отдавать.

Светлана задумалась. Ее радовала такая осторожность и предприимчивость Тины. Но еще больше нравилась идея с упаковкой. На рынке были предприятия, которые делали подобную продукцию, но Никольская планировала выпускать нечто особенное. Да, это должно стоить дороже, но и качество будет совсем иное. Съездив в библиотеку, она долго листала журналы двадцатых, тридцатых годов. Тогда, когда промышленный дизайн только появился, многие художники работали не только над эскизами чайников или ламп. Упаковка в те годы стала произведением искусства. Светлана пригласила к себе знакомых художников, поставила задачу и пообещала щедрое вознаграждение. Через два месяца на рынке появились необычной формы коробки практически для любого вида продукции. Но поворотным событием стал заказ от известного немецкого обувного бренда, открывавшего филиал в Москве. Светлана неожиданно выиграла тендер на коробки для женской обуви. А стоило немецким партнерам убедиться в том, что поставщик их не подводит со сроками и качеством продукции, как поступило предложение работать для мужской и детской линий. Этот выгодный контракт позволил погасить кредит и безбедно жить всему производству. Дела шли настолько хорошо, что Светлана могла какой-нибудь небольшой интересный заказ выполнить бесплатно. Оказывая подобную услугу клиенту, она в его лице обретала потенциального благодарного заказчика.

Теперь, наладив производство, Светлана отдавала все силы журналу, который основал Нащокин. Издание к этому времени стало весьма уважаемым, напечататься в нем было престижно. Светлане этого показалось мало, и она учредила литературную премию. Сначала, правда, пришлось привлечь к проекту некоторые государственные структуры и фонды, основанные богатыми людьми. Но, испытав на себе некоторое давление со стороны организаторов и спонсоров, через некоторое время она решила, что денег у нее хватит и выплачивать премиальный фонд она в состоянии и сама. «Во всяком случае, никто теперь не будет убеждать меня, что чей-то папа, до этого благополучно просидевший штаны в Госдуме или министерстве и от скуки взявшийся за перо, – новый гений». Результаты появились сразу. В этом году жюри решило присудить две первые премии – оба лауреата были из Сибири, оба были пенсионерами и писали, как им казалось, «в стол». Книги произвели на жюри одинаково сильное впечатление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.